

ВЕЛИКИЙ КРИСТАЛЛ

ПАМЯТИ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА

Корсаков Богданов Панченко Бреусенко-Кузнецов Рязань Кононулин Шацков Панарин
Марышев Мушинский Олди Шаинян Венгловский Тихонова Вайс Маковецкая
Логинов Батхен Удалин Даченко Вереснев Шиков Голиков Панченко Зонис Прагин

Александр Бреусенко-Кузнецов
Александр Голиков
Генри Лайон Олди
Дмитрий Корсак
Ника Батхен
Марина Маковецкая
Владимир Прягин
Марина и Сергей Дяченко
Эдуард Шауров
Андрей Кокоулин
Владимир Венгловский
Карина Шаинян
Игорь Вереснев
Сергей Борисович Удалин
Владимир Михайлович Марышев
Татьяна Тихонова
Юлия Александровна Зонис
Олег Владимирович Мушинский
Григорий Константинович Панченко
Святослав Владимирович Логинов
Борис Геннадьевич Богданов

Сергей Панарин
Евгений Станиславович Вайс
Ольга Рэйн
Великий Кристалл. Памяти
Владислава Крапивина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67137189
ISBN 978-5-6046557-7-1

Аннотация

Колониальный корабль терпит крушение, не дотянув всего ничего до цели: третьей планеты системы Медузы. Кому же спасти колониальную миссию, как не подростку, одному из тысяч клонов легендарного Томилина?..

Стандартный маршрут паломников: Герита – Мо-ро – Пальяно – Шаддат. Но пойдет по нему не очередной фанат великого Капитана, а его сын. Мальчик, который ненавидит отца, бросившего их с матерью...

Предотвратить смерть родителей? Все возможно, нужно только не побояться шагнуть через «секретный берег»!

«Снежный Ком М» представляет сборник памяти Владислава Крапивина: мэтры отечественной фантастики и новые дерзкие имена – под одной обложкой!

Содержание

Грани Кристалла	5
Дмитрий Корсак	5
Борис Богданов, Григорий Панченко	30
Андрей Бреусенко-Кузнецов	54
Космос парусов и крыльев	79
Ольга Рэйн	79
Андрей Кокоулин	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Коллектив авторов **Великий Кристалл. Памяти** **Владислава Крапивина** *Фантастический сборник*

Грани Кристалла

Дмитрий Корсак **По лунной дорожке**

Вагон слегка покачивался на ходу, и размытое желтое пятно за окном двигалось вместе с ним. Валька утер рукавом слезы. Пятно округлилось, оформившись в сияющий лунный блин. Большой, пронзительно яркий на темном небе. Чиж говорил, что в такие дни из могил выходят зомбаки и прочие жмуры. Врал, конечно, как обычно... А Гошка, наоборот, рассказывал, что в полнолуние можно уйти в другой мир. Любой, какой пожелаешь. Главное, чтобы была лунная дорожка. Но Гошка до детского дома жил у моря, а здесь откуда взяться дорожке? Моря же нет.

Вспомнив друзей, Валька опять всхлипнул. Гошку с Чи-

жом завтра отправят в Ярославль, Заяц с Толиком уедут в Архангельск. Почему они должны расставаться? Почему нельзя поехать всем вместе, впятером? Об этом они и сказали директору, но тот лишь взглянул рыбьими глазами и буркнул: «От меня ничего не зависит».

Потом за Вальку вступилась Татьяна Михайловна, самая молодая из воспитателей детского дома. Он сам слышал — подсматривал за дверью директорского кабинета.

— Почему ребят из шестого класса не отправили вместе? Неужели ни в одном детском доме не нашлось места для пятерых? Они же дружат!

— Это не я решаю, — директор отвечал нехотя, не поднимая глаз от бумаг.

— Но вы же можете похлопотать, хотя бы за Вальку Старкова? Он же один будет среди отмо... — Татьяна Михайловна проглотила окончание слова. — И почему Нижнедольск?.. Почему именно туда? Там каждый день драки и поножовщина. Знаете, как там новичков ломают? Особенно несговорчивых. А Валя подчиняться не станет, даст отпор. Еще и за других заступится.

Слышать такое про себя было приятно.

— Валя ранимый и обидчивый, нельзя ему в Нижнедольск, — продолжала напирать Татьяна Михайловна. — Он и к нашему дому привыкал долго, с ребятами не сразу сдружился, дрался часто. Особенно когда его дразнили Валенком.

Валька надулся — про Валенку можно было не вспоми-

нать. Тем более что сейчас у него совсем другое прозвище — Старк.

— Вы же ребенку жизнь ломаете! Я обращусь в комитет по образованию... Я... — горячилась воспитатель.

— Не советую. — Директор, наконец, закончил переключать бумаги. — Меня через неделю ждет пенсия, а вам стоит подумать о будущем. Если не хотите оказаться в Нижне-дольске вместе со Старковым. Воспитатели там всегда требуются.

Татьяна Михайловна смешалась.

— Почему нас закрывают? — почти жалобно спросила она.

— Денег в государстве нет, вот и уплотняют, — с досадой бросив бумаги на стол, проворчал директор. — Эпидемия, говорят, закончилась, только смертей среди взрослых меньше не стало. И сирот меньше не становится. Не вмешивайтесь, Таня, бесполезно, только жизнь себе испортите.

Дальнейшее произошло очень быстро. На следующий день в класс постучали, и незнакомая тетка из опеки забрала Вальку, не дожидаясь окончания уроков.

— Собирайся, — велела она.

Под ее пристальным взглядом Валька сложил нехитрые пожитки в дорожную сумку и осторожно прикоснулся к лежащему на столе комиксу «Железный человек», самому любимому. Комикс был библиотечным, но...

— Можешь взять с собой, — разрешила тетка.

Лучше бы она разрешила попрощаться с ребятами.

Вспомнив о друзьях, Валька опять шмыгнул носом.

Половину своей двенадцатилетней жизни он провел в детском доме. Там было по-всякому, но в целом не так уж и плохо. Не били, по выходным пекли пироги, разрешали смотреть кино. Почему он должен уезжать туда, где ему наверняка не понравится, где он опять станет Валенком, если не придумают прозвище похуже? Почему нужно расставаться с друзьями?

Поезд вновь дернулся, и луна за окном согласно кивнула Вальке.

Что, если выйти на следующей остановке и отправиться к ребятам в Ярославль или Архангельск? Не выгонят же его, если он сам придет. Луна вновь согласилась. А поезд вдруг начал сбавлять скорость. Показались редкие фонари и прямоугольники складов, на запасных путях застыли товарные вагоны. Все складывалось одно к одному.

Валька свесился вниз с верхней полки. Вагон спал. Подложив под щеку сумку с документами, спала и сопровождавшая Вальку тетка из опеки. Осторожно стянув куртку с крючка, Валька сполз вниз. Нашарил в темноте ботинки и остановился, прислушиваясь. Всего несколько шагов вперед и... Ему казалось, сейчас кто-нибудь проснется, но ничего не происходило. В открытую дверь вагона ветер задувал снежинки, и Валька шагнул на перрон. Еще оставался страх, что сзади прозвучит грозный окрик: «Куда это ты посреди ночи?!» Он уже был готов что-нибудь соврать, например, что

просто захотел подышать воздухом, но окрика не последовало. Нахлобучив на голову шапку, он сунул руки в карманы — перчатки остались в вагоне — и огляделся.

Тусклый фонарь почти не освещал заснеженный перрон, впереди смутно угадывалась лестница перехода на другую платформу. А прямо над переходом висела луна, словно указывая дорогу. И Валька, не долго думая, застучал ботинками по ступенькам.

На другой стороне перрона тоже стоял поезд. Вернее, старомодный на вид вагон, прицепленный к тепловозу. «Ст. Мост — ст. Мост» значилось на табличке. Странно как-то. Окна темные, но дверь приоткрыта. Куда-нибудь да доеду, решил Валька и дернул за ручку вагона. Внутри было пусто и прохладно, но все же теплее, чем снаружи.

Валька устроился на ближайшем к тамбуру сиденье, обтянутом стареньким кожзамом. Он не заметил, как поезд тронулся, спохватился лишь, когда тот набрал скорость. В обратном порядке мелькали товарняки и прямоугольники складов, за которыми вдруг показались контуры железнодорожного моста. Откуда тут мост? Вроде бы не проезжали по пути на станцию. Но мост был. Огромный, крепкий. Мимо окон проплыли мощные вертикальные опоры-столбы, ажурные крепления, дуги пролетов, а затем началась темная полоса леса, кажущаяся бесконечной.

И вот теперь, когда Валька остался один, он разревелся по-настоящему. С тех пор как умерла мама, ему никогда не

было так горько и одиноко. Однажды ему показалось, что рядом с ним плачет кто-то еще, он даже замолчал, прислушиваясь, но в вагоне стояла тишина, нарушаемая лишь постукиванием колес.

Вместе со слезами ушла боль, и Вальку потянуло в сон. Он расшнуровал ботинки, подложил под голову рюкзачок и, накрывшись курткой, улегся на сиденье. «Даже если утром меня поймают, я буду далеко, — подумал он. — Очень-очень далеко».

* * *

— Да проснись же ты!

Чья-то рука нетерпеливо трясла его за плечо. Валька открыл один глаз и тут же зажмурился — яркое дневное солнце ослепило его.

— Оттуда ты взялся? — Девичий голосок звучал требовательно и слегка испуганно.

— Чего? — протянул он, усаживаясь.

Пока он спал, куртка сползла вниз, и теперь на полу вагона красовался бесформенный синий комок.

— Ну? — торопил его голосок.

Валька машинально подхватил куртку, поднял глаза и пропал: такую красивую девчонку он не видел никогда. Красивую, рассерженную и немного растерянную. Брови недовольно сдвинуты, огромные зеленые глаза смотрят на него

недоуменно, как на ископаемое. Он мысленно окинул себя взглядом и погрустнел. Так и есть, ископаемое. Лопухий, с неопрятным ежиком на голове — парикмахер из Татьяны Михайловны был куда хуже воспитателя. Неприглядную картину довершали ботинки, стоящие на самом виду, — со сбитыми носами и рванными шнурками.

– Чего ты ко мне прицепилась? Отвали.

Он намеренно был груб, но девчонка не уходила.

– Ты знаешь, куда мы едем? Почему здесь деревья желтые?

Валька опять хотел огрызнуться, но тут его взгляд упал на окно. Действительно, желтые. С некоторых начала облетать листва, и теперь они топорщились голыми ветками. И никакого снега. Даже если поезд повернул на юг, потеплеть так быстро не могло.

– Не мог поезд за ночь проехать столько, чтобы лето сменилось осенью, — словно прочитав его мысли, неуверенно произнесла незнакомка.

– Лето?

Только сейчас Валька заметил, что она одета по-летнему. Мягкие сандалии, брючки до колен, цветастый топик, оставивший открытыми загорелые руки. В вагоне было не слишком холодно, но ее кожа покрылась пупырышками.

– Держи. — Он протянул ей куртку, оставшись в стареньком свитере.

– Спасибо.

Голые коленки, торчащие из-под зимней куртки, выглядели нелепо, и Валька почувствовал себя увереннее.

Девчонка уселась рядом, а он, наоборот, привстал, чтобы осмотреть вагон. Кроме них никого.

— Откуда ты взялся в поезде?

— Вошел в дверь, — буркнул Валька. Он все еще не решил как себя вести.

— Я не видела тебя вчера. И я не заметила, чтобы поезд останавливался.

— Я тебя тоже не видел.

— Странно все это, — заявила неожиданная попутчица и, вдруг решительно тряхнув челкой, скомандовала: — Рассказывай.

— Давай ты первая.

Незнакомка пожала плечами.

— Ладно. Я из Новогорска. Вообще-то из Москвы, но родители отправились на «Европу-3». Отец — настраивать систему дальней связи, а мама воспользовалась случаем, чтобы провести эксперимент на Юпитере. Поэтому мне пришлось выбирать — либо к бабушке, либо в Новогорский лагерь. Я выбрала лагерь.

— Там было плохо, и ты сбежала? — Слова вырвались сами собой.

— Нет, — улыбнулась девчонка. — В лагере было отлично. И я не сбежала, я искала Юрчика, он не пришел на ужин. Очень непоседливый и самостоятельный шестилетка.

Он уже пропадал в начале лета, и вот сейчас опять. Тогда он отправился смотреть тигров в питомнике, и взрослые первым делом поехали туда, а мы искали поблизости от лагеря. Сначала я пошла к скоростной трассе, а потом вспомнила, что неподалеку есть старая железнодорожная станция, и решила посмотреть там. Уже совсем стемнело...

— И тебе разрешили?

— Что разрешили? — не поняла она.

— Ну... Это... Бродить одной в темноте по заброшкам.

— А что со мной может случиться?

— Ну... мало ли на кого можно напороться.

— Такой большой и боишься темноты? — засмеялась попутчица. — Зомби и вампиры только в книжках встречаются. Кого я там могла встретить кроме людей?

— Вот людей-то как раз и стоит бояться, — начал он и осекся.

Огромные глаза смотрели непонимающе. Такие глаза бывают у малышей, которых только-только привели в детдом и которые еще не знают, что мир может быть жестоким.

— Ладно, проехали, — пробормотал он. — Давай дальше.

— А дальше все. Услышала, как кто-то плачет, зашла в вагон, а он взял и поехал. Ты тоже слышал плач?

Валька неопределенно пожал плечами — не рассказывать же, как сам проревел целую ночь.

— Не помню, вроде нет. Испугалась?

— Нет, просто растерялась... Когда перестала стучать в

двери и звать машиниста, то сообразила, что можно связаться через коммуникатор....

— Через что?

Она продемонстрировала массивный браслет на левом запястье.

— Наверное, сломался, никого не находит. А твой работает?

— Н-нет. Нет у меня никакого коммуникатора, — промямлил он. — У меня даже сотового нет.

— Сотовый? А что это?

В ее глазах промелькнуло искреннее недоумение.

— Знаешь, у меня такое чувство, что мы живем в разных мирах, — неожиданно для себя произнес Валька. — В твоём сейчас лето, а в моём зима...

— Ага-ага, — скептически покивала она. Каштановые локоны, стянутые на макушке в конский хвост, запрыгали по плечам. — Параллельные, которые вдруг пересеклись в Новогорске.

— В моём мире нет Новогорска.

— А Москва есть?

— Москва есть, — согласился Валька. — А коммуникаторов нет.

— Ой, я же не представилась! — вдруг спохватилась девчонка и церемонно протянула руку: — Алиса.

Пожать руку девчонке? Да никогда!

— Валентин, — буркнул Валька, делая вид, что не заме-

тил протянутой руки. — Только я не люблю, когда меня называют по имени (о том, что Валентин похож на валенок, он уточнять не стал), лучше зови меня Старк. Моя фамилия Старков, и еще мне очень нравится Железный человек.

— Железный человек? Кто это?

— Ты не знаешь? — Валька округлил глаза. — Может, ты и фильм про Тони Старка не видела?

Алиса покачала головой. Тогда Валька схватил рюкзак, дернул молнию и вытащил потрепанный на углах комикс.

— Вот, смотри.

Он листал страницы и рассказывал, как Старк вместе с другими Мстителями спасал Землю, а затем, пополнив ряды Хранителей Галактики, защищал целую Вселенную. Алиса с интересом слушала.

— Какие же у вас герои, если нет Мстителей? — удивлялся Валька. — Или у вас вообще нет фантастики?

— Есть, конечно. Я даже один фильм на коммуникатор себе записала, хотела перед сном посмотреть. Сейчас покажу.

Алиса что-то покрутила на своем браслете, и в воздухе перед Валькиным лицом появился полупрозрачный экран. Фильм оказался что надо: пятеро подростков из маленького российского городка остановили вторжение инопланетян на Землю. А потом Алиса просто рассказывала всякие истории. Валька не сразу понял, что она говорила о реальном мире. Воспринимал сказанное просто как фантазию, еще и восхищался: ничего себе девчонка заливает! Врет как по писано-

му. Потом заслушался. Затем стал завидовать. А потом, когда она показала фото космодрома со стартующими звездолетами к космическим станциям возле Юпитера, где работали ее родители, на душе стало горько.... Ведь не инопланетянка какая-нибудь, обычная девчонка, только живет в другом мире. Таком, в который хочется уйти по лунной дорожке.

Валька отвернулся к окну, чтобы не было видно выступивших слез, и надолго прилип к стеклу. Лишь когда впереди показалось здание вокзала, он повернулся:

— Подъезжаем.

* * *

Они долго бродили по пустому перрону, не решаясь открыть двери вокзала. Вернее, время тянул Валька — не лежала у него душа к этой мрачной громаде. Обычно вокзалы выглядели иначе — там всегда было многолюдно. Суета, гомон, очереди в кассу. Здесь же — тишина, как в могиле. И поездов на путях всегда стояло несколько, одних только пригородных электричек штуки две, не меньше, а тут — кроме их вагона ничего. Путей много, а вагон один.

Валька потянул носом. И еще странный запах — какой-то неживой. Конечно, все вокзалы пахнут по-разному: одни яблоками и пирожками, другие — дешевым кофе, опилками и хлоркой. Случалось, что пахивало бомжами — после эпи-

демии их становилось все больше. Хотя и не всегда запахи были приятными, но они были живыми, человеческими. А здесь — ржавчина и пыль.

Просторный, сумрачный зал ожидания с погашенными люстрами встретил ребят гулкой тишиной.

— Куда подевались люди? Почему никого нет? — поежилась Алиса.

Валька обогнул ряды пустующих кресел, заглянул в окна закрытого кафе и, задрав голову, остановился под огромными настенными часами с застывшими стрелками. Ему вдруг почудилось, что за ним наблюдают. Он быстро повернулся, но в зале по-прежнему не было ни души, только статуи в нишах. Но статуи же не живые. На всякий случай он подошел к одной из скульптур поближе. Статуя как статуя, ничего необычного.

Пока Валька осматривался, Алиса поднялась на второй этаж и теперь нетерпеливо махала ему с балкона. Валька бросился догонять девочку, но добежать не успел.

Ветерок, ворвавшись в зал из приоткрытой двери, принес с собой обрывок газеты и бросил его прямо под ноги Вальке. «Следуй за...», — прочел Валька крупные печатные буквы. Наверное, реклама какая-нибудь. Он уже хотел двинуться дальше, но клочок бумаги вдруг закрутился на месте и, подлетев в воздух, переместился поближе к выходу. Валька сделал шаг за ним, и газетный обрывок перепрыгнул еще раз, словно приглашая гостя следовать за собой.

— Я скоро вернусь! — крикнул Валька и выбежал из здания вокзала.

Вместе с обрывком газеты он пересек безлюдную площадь. Пробежал мимо неработающего фонтана и углубился в мощенную булыжником улицу с плотно стоящими невысокими домами. На крышах и верхних этажах зданий виднелись следы пожара, как будто город поливали сверху жидким огнем. Вскоре улица начала забирать вверх, но газетный клочок упрямо летел вперед.

Валька шел за ним, с интересом поглядывая по сторонам — дома тут были красивые. Засмотревшись на зубчатые башенки и балконы с затейливой резьбой, он замедлил шаг, а когда двинулся дальше, то клочка бумаги впереди уже не было. Зато прямо посреди улицы стоял лохматый рыжий пацан лет семи в белой рубашке и синих брюках с красной каймой. Вернее, белой рубашка была когда-то давно, а сейчас ее «украшали» большие темные разводы. Малявка с нескрываемым интересом разглядывал гостя.

Валька остановился. А кто бы не остановился, когда пятеро на одного? К малявке присоединились четверо мальчуганов — двое Валькиного возраста, двое постарше, все в одинаковых белых рубашках и синих брюках. Он даже не заметил, откуда они вышли, просто вдруг появились посреди улицы.

— Драться будем? — спросил Валька, снимая рюкзак с плеч.

— А ты хочешь? — усмехнулся самый высокий из мальчишек, наверное, командир этой пятерки. На вид ему было лет четырнадцать. Серые глаза смотрели твердо, но не враждебно. Длинная выгоревшая челка падала на лицо, правого рукава на рубашке не хватало, им был перевязан локоть. На повязке выступили красные пятна.

— Не особо, — пожал плечами Валька. — А нужно?

— Нет, не нужно, — вновь усмехнулся командир. — Есть разговор. Пойдем к нам.

Ребята зашагали вверх по улице, Валька поплелся следом. Малыш иногда оборачивался к нему и давал пояснения:

— Раньше здесь пекли очень вкусные крендели, тут была столярная мастерская, а в этом доме жил известный художник...

Хотелось спросить, куда делись все городские пекари-столяры-художники, но Валька решил подождать. Когда они поравнялись со светлым трехэтажным зданием с пятиугольной башней наверху, малыш погрустнел:

— А это наш лицей.

Лицею досталось сильнее других: стекла выбиты, почерневшая крыша в нескольких местах обвалилась, верхний этаж сплошь в черных потеках. Стрёмно идти в такое здание, один он бы ни за что не рискнул, но командир уверенно взялся за ручку двери. Вместе с ребятами он пересек просторный вестибюль и направился к лестнице. Неужели они идут в башню, ужаснулся Валька, когда компания миновала

третий этаж, она же на честном слове держится. Но внутри следов пожара не наблюдалось, даже стекла оказались целыми.

Наверное, сюда долгое время складывали ненужные вещи — стулья с отломанными спинками, старые журналы и учебники, географические карты, нашелся даже большой выцветший глобус. Ребята расположились кто где — на стульях, подоконнике. Самый маленький из пятерки вытащил из сваленной на полу груды книг толстый альбом и, усевшись по-турецки на пол, принялся листать фотографии. Командир присел на краешек стола и внимательно посмотрел на Вальку. Обычно так смотрят учителя, решая, сможет ученик выполнить задание или нужно объяснять еще раз.

Ну что же, раз все молчат, значит, начинать разговор придется самому.

— Где все люди? — спросил Валька, усаживаясь напротив командира.

— В городе никого не осталось, — ответил тот.

— Но вы же есть.

— Мы — охрана.

— Сторожите городские ценности, чтобы я чего-нибудь не спёр? — фыркнул Валька.

— Наоборот. Следим, чтобы кое-кто не выбрался из города, — в тон ему ответил командир. — Кстати, ты давно тут? Видел кого-нибудь?

— Кроме вас — никого.

— Отлично.

Только насчет «отлично» командир поторопился — его лицо вдруг сморщилось от боли. Он поправил повязку — кровь на ней проступала сильнее — и, повернувшись к темноволосому мальчишке с царапиной на щеке, попросил:

— Расскажи лучше ты.

Чернявый согласно кивнул, он даже набрал в грудь воздух, но его опередил малыш.

— Ты здесь потому, что услышал плач?

Мальчик смотрел доверчиво и немного виновато. Врать было нельзя. Да и не хотелось. К тому же, пацаны — это не Алиса, им можно сказать правду.

— Ничего я не слышал, потому что сам ревел. А кто еще плакал?

— Рыжика иногда в полнолуние на слезу прошибает. — Невысокий крепыш мотнул подбородком в сторону семилетки. Его рубашка была порвана в нескольких местах, синие брюки испачканы в сажу. — Бывает, кто-то из других миров слышит.

— А если не слышал, как ты оказался в поезде? — с сомнением спросил темноволосый.

Валька рассказал.

— Если не врешь, то ты особенный, — щуплый большеглазый мальчишка, по виду ровесник Вальки, восторженно цокнул языком. — Мало кто может путешествовать между мирами сам по себе, без проводника.

Командир молча пихнул его в бок, и он осекся, а чернявый, наконец, начал рассказывать.

...Когда именно в городе появились «эти», никто не знал. Это уже потом ребята поняли, что сами они прийти не могли, их кто-то пригласил — привез на поезде из другого мира. Они втерлись в доверие, предложили помощь, прикинувшись добряками, но обманули... А помощь городу действительно требовалась — его одолевали болезни, портился климат. Только, как потом выяснилось, «эти» не собирались никому помогать, они ставили эксперимент. Какой именно, объяснить не удосужились. Просто однажды проговорились, что в каком-то другом мире ставили эксперимент по созданию мыслящей галактики. Наверняка и здесь занимались подобной гадостью, пока было над кем экспериментировать. Поначалу недовольные просто исчезали из города, а когда люди потребовали «этих» убратся, они...

Мальчишка замолчал, прикусив губу. Видимо, рассказывать о дальнейших событиях было совсем непросто.

— Некоторые успели уехать, остальные погибли, — голос командира прозвучал жестко. — И те, кто сражался, и те, кто прятался в подвалах. В городе не осталось никого.

— А как же вы?

— Должен же кто-то предупредить таких вот любителей прокатиться ночью на поезде, как ты, — хмыкнул крепыш. — А то привезешь их в свой мир, а они там начнут экспериментировать над живыми людьми.

— «Эти» — не люди, — не дожидаясь вопроса, объяснил темноволосый. — По сути, они — голый разум, холодный, бесчувственный, который может войти в любую оболочку. Мы сумели загнать их в статуи...

— Статуи на вокзале? — спросил Валька.

Мальчишки дружно кивнули.

— Они оживают в полнолуние, когда приходит поезд с кем-нибудь из другого мира, кто умеет путешествовать между реальностями, — сказал большеглазый. На Вальку он смотрел с уважением и ноткой зависти.

— Двигай обратно к поезду, — велел командир. — Если кто привяжется и будет просить взять с собой, не слушай. Садись в вагон. Когда стемнеет, поезд вернется в твой мир.

— Но почему вы не разобьете статуи?

— Мы не можем пересечь площадь и пройти на вокзал.

— Но зато и «эти» не могут выйти, — оторвавшись от своего альбома, хихикнул Рыжик.

— Как же вы живете одни в пустом городе? — удивился Валька. — Или?..

Он замолчал, пораженный своей догадкой.

— Да, именно так. Мы жили здесь, а теперь становимся людьми лишь в полнолуние, — невесело кивнул крепыш. — Мы привыкли, Рыжик вот только плачет иногда, вспоминая.

Вечерело. Небо за окном окрасилось розовым. Командир откинул волосы со лба здоровой рукой и решительно под-

нялся.

— Тебе пора.

Валька медлил. Он многое хотел спросить у ребят, но они расценили его нерешительность по-своему.

— Не бойся, они не смогут тебе навредить. Даже в вагон не войдут без твоего приглашения. Они только уговаривать по-хитрому умеют.

Ребята проводили Вальку до дома с башенками — того места, где он встретил их. Видимо, дальше они пройти не могли. Командир придерживал раненую руку. Кровь капала на мостовую.

— Ерунда, — небрежно заявил он, перехватил Валькин взгляд. — Каждый раз так, как в тот день, — он выделил голосом «тот». — Ты уедешь, и все закончится.

Сбившись в тесную стайку, пятеро друзей смотрели Вальке вслед, а маленький Рыжик, всхлипнув, помахал рукой.

Валька зашагал вниз по улице. Чем дальше он уходил, тем больше его одолевали сомнения. «Да ну, ерунда какая-то, — успокаивал он себя. — Инопланетные пришельцы, притворяющиеся статуями, погибшие мальчишки, оживающие раз в месяц... Быть такого не может! Просто заброшенный город. Просто шутники». Но что-то внутри него считало иначе. И к площади он подошел с уверенностью, что надо разбить все статуи на вокзале. На всякий случай.

— Валя! Где ты был? Сейчас такое расскажу — не поверишь!

Алиса бросилась к Вальке, как только он показался на площади. Она набрала в легкие воздуха и выпалила:

— Оказывается, здесь есть люди! Вернее, они не совсем люди, но выглядят как люди. Они пытались спасти город, но у них не получилось, — тараторила она, сияя зелеными глазами. — Они здесь застряли, чтобы выбраться, им нужно приглашение, и я...

Нет, только не это!

—...И я позвала их к себе. Вот. Они сказали, что поезд поедет, когда взойдет луна. Значит, уже скоро.

Валька остановился.

— Нельзя же так — пускать в свой мир кого угодно, — сказал он с укором. — Может, они преступники или злодеи какие.

— Да ну тебя! Это же не ваши комиксы! В реальном мире не бывает злодеев! — крикнула Алиса уже на бегу.

Валька поплелся следом.

Много ты видела реальных злодеев, чтобы рассуждать, мысленно спорил он с девочкой. Это как раз в комиксах злодеи нестрашные, а в настоящем мире — очень даже. Еще оставалась надежда, что ребята ошиблись, не поняли наме-

рений «этих». Может, они действительно хотели помочь, а ребята не разобрались? Бывает же так.

Проходя через зал ожидания, Валька отметил, что все статуи пропали. Остались ниши с пустыми постаментами. Зато вагон оказался почти полным.

Валька нерешительно остановился в дверях. Ишь, расселись. Настоящие люди никогда не будут сидеть без движения. Как бы их выманить из поезда. Только вряд ли получится, раз Алиса уже дала согласие. Но что-то ведь нужно делать!

Навстречу Вальке поднялся незнакомец. Бледноватое лицо, небольшая бородка и мертвые, ничего не выражающие глаза. Костюм тоже выглядел слишком аккуратным, чтобы быть настоящим, — ни единой складочки.

– Здравствуйте, молодой человек! Можете называть меня Магистр, а как ваше имя?

– Старк.

Магистр улыбался, но его улыбка не понравилась Вальке, она выглядела неискренней, фальшивой, будто приклеенной к маске.

– Сегодня ночью нам предстоит совместное путешествие. Но конечные пункты нашей поездки будут разными — Алиса любезно пригласила нас в свой мир. Но я с удовольствием проведу время в вашем обществе, пока наши пути не разойдутся.

Врешь, подумал Валька. Как бы выманить «этих» из ва-

гона?

— Душно что-то, давайте прогуляемся по перрону, — предложил он.

Магистр вежливо поклонился.

— Идите один, молодой человек. С вашего позволения, я останусь здесь.

Он опустился на сиденье, застыв в неестественной позе. Одну руку заложил за борт сюртука, другой оперся о колено и стал точь-в-точь как статуя в зале ожидания.

Валька вернулся на перрон, находиться в вагоне вместе с «этими» ему было неприятно. На город опускалась ночь, небо окрасилось в темно-синий цвет, показались редкие звезды. «Думай, думай!» — подгонял он себя. Но в голову не приходило ни одной умной идеи. Лишь крепла уверенность: их нельзя пускать в мир Алисы. Он слишком добрый, светлый, бесхитростный, чтобы противостоять злу. Лживому, хитрому, коварному.

Тепловоз издал гудок, вагон слегка дернулся, словно давая понять, что поезд скоро отправится. В дверях показалось встревоженное девчачье личико.

— Валя, ну что же ты! Сейчас поедem!

Ничего не придумав, Валька вернулся в вагон. «Что бы сделал Тони Старк, Железный человек, на моем месте?» — спрашивал он себя, искоса поглядывая на застывшие фигуры. Конечно, остановил бы их. Как и пятеро ребят из этого мира. Но сейчас ему придется действовать самому — на

объяснения и уговоры Алисы нет времени.

Валька осторожно взглянул на девочку и, сделав невинное лицо, подсел к Магистру.

— Мы тут поговорили с Алисой и решили, что моему миру помощь нужна больше.

— Ну что же, — Магистр выдавил улыбку, — мы будем рады подчиниться.

Он самодовольно откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Один мир спасен. Поезд качнулся, и луна в окне одобрительно кивнула Вальке. Еще оставалась надежда, совсем маленькая, что все не так плохо, как он считает. Нужно убедиться наверняка — разговорить Магистра. Что-что, а когда взрослые врут, Валька чувствовал безошибочно. Напрактиковался. А «эти» были даже не взрослые, а гораздо хуже.

— В моем мире живут очень разные люди, — осторожно заметил он. — Что, если кто-то не поймет вас?

— Не волнуйся, — самодовольно ухмыльнулся Магистр, — мы научились справляться с таким.

— Но они же будут вам мешать.

— Нет, ведь мы... — и Магистр пустился в объяснения.

Валька задавал глупые вопросы, недоверчиво выслушивал ответы, перебивал, сомневался. Магистр распалялся, говорил все быстрее, все убедительнее, и, наконец, проболтался. Оказывается, это был далеко не первый мир, который дал им отпор. «Эти» старались сломить сопротивление, а когда

не удавалось, действовали жестоко, не считаясь ни с кем.

Нет, нельзя их пускать к себе. Никак нельзя.

Валька с сомнением оглянулся на Алису, но в вагоне ее уже не было, только куртка лежала на сиденье. Да что же это такое! Сначала с ребятами из детдома попрощаться не получилось, теперь вот с Алисой. Эх, придется действовать одному.

Луна вновь согласилась.

Гошка говорил, что по лунной дорожке можно уйти в любой мир, даже придуманный, просто нужно четко представить его и захотеть там оказаться. Очень-очень захотеть. Взять бы да увести «этих» на какой-нибудь безжизненный астероид, где они никому не смогут навредить. Пусть там экспериментируют. Была бы лунная дорожка...

И тут поезд выехал на железнодорожный мост. Сильнее загрохотали колеса, за окном промелькнули опоры-столбы и ажурные крепления, а внизу в лунном свете серебристой рябью заиграла вода, и Валька решил. Вот она, дорожка, сверкает под мостом! Он зажмурился и изо всех сил представил, как поезд сворачивает на нее.

А как же он сам? Да как-нибудь. В первый раз, что ли? И не из таких передряг выбирался. Да и поможет кто-нибудь. Не может быть, чтобы во всей Вселенной не нашлось никого, чтобы помочь.

Борис Богданов, Григорий Панченко

В кораблях не бывает зла

Флармий по имени Лазурный Флармитрой ежился, выпускал дыхальцами дрожкие пузыри, распространяя феромоны неудобства и раздражения. Лазурному Флармитрою было душно. Парадный мундир дипломатического корпуса Земного Содружества — не лучшее облачение для флармия, в нем он попросту смешон.

Стоявший напротив него адмирал Сильвио Парамонов не смеялся. Непредусмотрительно потешаться над эмиссаром победителей, явившимся принять капитуляцию. А что традиция заставляет являться к побежденному врагу именно в его форме и изъясняться именно на его языке, то это традиция победителей.

Не проигравшим с нею спорить.

— Причинять замир-рени-е форр, — булькал флармий, — надле-еж-жащее непремение...

С земной космолингвой флармии тоже дружили не очень. «Для заключения мира надлежит непременно», — прошелестело в наушнике. Понять смысл произнесенной фразы Парамонов мог сам, но и подсказка от профессионала лишней не была.

— Пр-редоставляться особь живой после вс-с...

Лазурный Флармитрой заперхал и встопорщился. Сквозь

свежие прорехи в мундире наружу полезли какие-то фиолетовые перья. Если раньше он походил на вставшую дыбом помесь слизня с муравьем, то теперь... Парамонов затруднился с определением, кого или что именно напоминает ему теперь флармий.

— ...с-с-сех! — с натугой просвистел Лазурный Флармитрой. Сочетание букв «вс» почему-то составляло для него особенную трудность. И неожиданно чисто закончил: — Из экипаж-жа мегадестройера «Землепроходец Семён Дежнёв». Экипаж-ж. Напоить соками тела Первое Яйцо!

— Простите? — переспросил адмирал, забыв про подсказки переводчика.

— Иван Шарганов, стражн. И — оба. На орбите Ф-фларма. Стать почвой Первого Яйца, — ответил Лазурный Флармитрой, выпростал сухую, похожую на паучью лапу, конечность и показал на толстенную книгу, которую принес с собой. — Протоколий стражн форр.

После чего развернулся и вышел, оставив Сильвио Парамонова в некотором замешательстве.

— Они... хотят жертву, я верно понял, Марко? — произнес Парамонов.

— Да, господин адмирал, — ответил голос переводчика.

— Одну?

— Имя названо одно, господин адмирал. Флармии требуют Ивана Шарганова, последнего выжившего члена экипажа «Дежнёва». Они скормят его Первому Яйцу.

Адмирал испытал внезапное и острое облегчение из-за того, что флармии попросили всего лишь одну жизнь, хотя могли потребовать куда больше. И им бы отдали. Отдали почти всё, лишь бы сохраниться. Что такое одна жизнь против жизни целого вида, своего вида?

Парамонову сразу же стало стыдно: грешно радоваться гибели даже одного человека, пусть и незнакомого. Потом он вспомнил имя — Иван Шарганов — и радостное облегчение полыхнуло вновь.

— Вот с-суки! — нарочито громко выругался адмирал. Никто не знал, как хорошо слышат флармии, но адмирал надеялся на лучшее.

Переводчик молчал. Разумеется, и не предполагалось, что он продублирует эту фразу по-флармиански. Тем не менее...

— Есть что-то еще, Марко?

— Господин адмирал, да. — Голос, прозвучавший в наушнике, был одышлив, как после декомпрессии. Парамонов не сразу понял, кто говорит, — но, осознав это, напрягся. Марко был опытен и неоднократно проверен в деле, поэтому, если уж бразды перевода считает нужным перенять легендарный Кагарлиц, старейшина Лингвацентра — такое точно не сулит хорошего. — Мы, конечно, проведем анализ текста повторно, но предварительные выводы показывают, что...

Иван Шарганов пил. Пил с той поры, как эскулапы извлекли его из спасательной капсулы и привели в чувство.

Они проиграли. Земные флоты откатывались к метрополии, жертвуя одну эскадру за другой, жертвуя почему зря, только чтобы замедлить наступление флармий, отсрочить неизбежное. Величайшее оружие Земли – мегадестройеры проекта «Мореплаватель» не помогли. Они рвались к Фларму, но так и не достигли его. Флармии расщелкали их на дальних подступах к планете, несмотря на чудовищную энерговооруженность и защиту, несмотря на генераторы силовых полей, несмотря на волновые батареи, каждая из которых могла уничтожить планету. Ближе всех к Фларму подошел «Землепроходец Семён Дежнёв», на котором Иван служил бомбардиром. Вышел на орбиту, и там его остановили...

Иван повернулся к бармену. Тот закатил глаза, но молча выставил перед Иваном новую бутылку и блюдо с бутербродами. Хватило бы и одного, но черт с ним. Иван не собирался спорить с барменом. Нет смысла спорить с покойником, а они все равно что покойники, даже если и живы пока что. Вот этот мог бы и понимать, раз уж, прежде чем обосноваться за стойкой, горел в звездолете (на обоих запястьях четкая грань между родной кожей и имплантом: биопротезы прижились хорошо, но совсем идеально приживаются лишь

биопротезы пятого поколения, а это – начиная с кавторанга), однако даже ветераны первых кампаний просто не понимают, что жизнь под флармиями – все равно что смерть. Уж он-то знает, что эти твари делают с людьми!

– Дядь Вань, не надо...

– Молчи.

Иван набулькал водки, тяжело посмотрел на стакан. Грязный, захватанный жирными пальцами стакан с обгрызенным краем. Кто его обгрыз? Иван не помнил, но изначально стакан был целым. Никаких сомнений...

Бармен внимательно следил: не плеснет ли бомбардир и подростку тоже? С такого станется...

Парнишке было лет четырнадцать-пятнадцать, курсантская форма висела на нем мешком. Что поделать, Земля себе который год рвет экватор пополам, так что в последнее время такие ребята, все, как один, в обмундировании не по размеру, примелькались рядом с военными. И в доках, и в казармах – да уж и в питейных заведениях: отчего бы нет, раз на боевых палубах дестройеров они примелькались тоже? Так что, даже заявись прямо сейчас патруль, никто бы бармену и слова не сказал. Но у него самого было железное правило: малолеткам – ни капли алкоголя. Ни он сам, ни кто-либо в его присутствии.

Его внук сейчас ускоренные курсы оканчивал: тоже, небось, сидит невесть рядом с кем, в комбинезоне на два размера больше...

Младший внук.

Бармен скрипнул зубами. Он отлично понимал, что такое жизнь под флармиями – но не мог избавиться от потаенной, едва ли не постыдной радости: как бы там ни было, теперь его внуку, последнему из оставшихся, не придется идти в бой на верную гибель. И этому мальчишке тоже.

Мальчишки, оба, его за такую мысль, конечно, не поблагодарят. Ну так ведь и не узнают о ней. И все остальные мальчишки Земли, в форме не по росту – тоже.

Иван с трудом сфокусировал взгляд. Возле дна стакана третий дринк подряд болталась размокшая хлебная крошка. Получалось, он даже не может допить водку до конца? Мерзость какая!.. И слово это, «дринк» — тоже мерзость. Особенно слово.

Иван тяжело поразмыслил, какие еще слова вызывают такую же гадливость, как слова «дринк» и «флармий», не вспомнил, залпом махнул водку, передернулся, сдерживая внезапную тошноту, и поставил стакан на стол. Хлебная крошка пропала. Ну, хоть что-то он может еще сделать до конца!

В остальном радоваться было нечему. Он тоже проиграл. Он не смог, не успел даже умереть. И все из-за...

...Когда старплазмомех рявкнул: «Малолетку – в капсулу!» и наугад ткнул пальцем в того, кому надлежало выполнить этот приказ – надо же было проклятой судьбе распорядиться так, чтобы палец его указал на капитан-бомбардира

Шарганова! А тащить малолетку в спасательный отсек пришлось волоком, в капсулу запихивать насильно: малолетки – они такие, в собственную смерть не верят, поэтому им кажется, что с ними и старшие непременно уцелеют. В результате на эту возню ушел лишний десяток драгоценных секунд. Умом-то Иван понимал, что секунды эти ничего не решали, но все же – были они.

А потом...

Неизвестно, что за оружие применили флармии, но все, находившиеся на борту «Дежнёва», высохли, мгновенно превратились в мумии, словно атакованные ротой голодных вампиров.

Все, кроме Ивана. И малолетки.

Чертова автоматика каким-то образом ухитрилась засосать в чертову капсулу их обоих, хотя вроде никак не могла и не должна была. А затем не менее чертовым образом выкинула капсулу в чертовое гиперпространство, где ее позже и выловили чертовы спасатели. Непонятно только, какого черта. Какой смысл в их существовании, если остальные погибли, а он... он не смог даже умереть с ними?

– Дядь Вань! Ты что?

Бомбардир Шарганов только сейчас осознал, что все это время, наверно, тарачился на малолетку – яростным, налитым кровью взглядом.

– Ник, ты, это... — Он сумел взять себя в руки. — Ты не бойся. Поешь вот (Иван запоздало понял, отчего бармен

подсунул ему блюдо с таким количеством бутербродов) — и... — он повернулся к стойке, — есть тут... ну, что-нибудь?

Бармен, не дожидаясь объяснений, уже наполнял фужер соком.

Зазвенел колокольчик над входом, и бар затих. Иван повернулся, вновь заставив себя сфокусировать зрение. Оп-па... Патруль! Настоящий военный патруль. Трое; красные повязки, начищенные сапоги, настороженный взгляд лейтенанта, оловянные глаза рядовых десантников.

— Проверка документов, — негромко произнес лейтенант.

Выпивохы покорно полезли в карманы, выкладывая на столы удостоверения и карточки, у кого что было. Иван пьяно мотнул головой. Почему бы не решить все прямо сейчас? Дебош в военное время — это трибунал и почти гарантированный расстрел. Зачем пропускать такой удобный случай?

Командир патруля в сопровождении рядового неторопливо шествовал вдоль столов, пристально вглядываясь в лица, сличал стереографии в документах с помятыми лицами посетителей. Второй десантник замер в дверях, лениво глядя поверх голов. Когда лейтенант поравнялся со столиком Шарганова, тот, не дожидаясь вопросов, схватил табурет и со всего маху обрушил его на темя офицера.

Хотел обрушить. Лейтенант легко уклонился, шагнув вперед и вбок, и секунду спустя Иван стоял, уткнувшись носом в тарелку с недоеденными бутербродами, а руки его оказались заведены за спину и вверх.

— Дядь Вань!

— Сидеть, курсант. Глянь-ка, Жуков, кто это у нас такой бойкий? — равнодушно спросил лейтенант.

— Угу, — буркнул Жуков. Чужие руки прошлись у Шарганова по карманам. На столешницу по очереди легли: справка из госпиталя, выданная ему неизвестно зачем, поскольку Иван чувствовал себя, да и был, абсолютно здоровым; банковская карта с остатком боевых от министерства; электронный ключ от жилой капсулы и, наконец, пластинка временного удостоверения личности.

— Ну и зоопарк... — протянул лейтенант. — Почему не на одном носителе, господин хороший?

Шарганов не ответил. Он предпочитал не отвечать на глупые вопросы. Есть удостоверение, и там все указано. Лейтенант правильно истолковал его молчание или допер до верного решения сам. Он приложил удостоверение к сканеру... и присвистнул от удивления.

— Что же это вы бузите, господин капитан-бомбардир? — поинтересовался лейтенант. — Вы, можно сказать, родились заново, даже единого документа не получили еще, а ведете себя как последний забулдыга.

— Руки отпустите, — прохрипел Иван.

— Глупить не станете?

— Нет, — коротко ответил Иван.

— Хорошо. Мальчик с вами?

— Девочка. (Лейтенант снова присвистнул.) Нет.

– Дядь Вань, я с тобой! Я с ним, това... господин лейтенант! — Малолетка подхватила с места. Она уже стояла плечом к плечу с Шаргановым, смотрела на патрульных угрюмо, исподлобья.

Конечно, девочка. И не четырнадцать-пятнадцать ей, а тринадцать-четырнадцать: девчонки в этом возрасте на полголовы длиннее парней. Носатая, с коротко, по-мальчишески обстриженными жидкими пепельными волосами и тощей шеей. Нескладная: на таких не только слишком большой курсантский комбинезон, но даже тщательно подобранная одежда, любая, будет висеть наперекосяк. Глаза – зелено-синие, как морская вода.

Некрасивая. Красавицами такие становятся годам к восемнадцати. Если доживают.

– Вероник, не глупи, — процедил Иван уголком рта, но было ясно: сейчас от нее не отвязаться. Разве что скрутить и утащить прочь силой, как тогда, перед огневым маневром...

– Документы, курсант...ка.

– Нету.

Командир патруля присвистнул третий раз, резко зажмурился, активируя умные линзы. Когда вновь открыл глаза – некоторое время стоял неподвижно: читал видимый только ему текст.

В баре вдруг повисла мертвая тишина.

– Так называемая «неизвестная с "Синего клипера", без документов», именующая себя...

– Веранда, — буркнула девчонка.

– ...именующая себя Вероника Донцова? — казенным голосом завершил лейтенант, сделавшись при этом равнодушной прежнего.

– Она. Ну, я то есть.

– Да, девочка, — эмоций в голосе лейтенанта не прибавилось, — ты действительно с ним?

– Конечно, с ним. — Веранда придвинулась к Шарганову вплотную. Угрюмость ее как рукой сняло, она даже заулыбалась. — Я дядь Ваню одного никуда не отпущу. Он без меня пропадет.

Кто-то из пьянчужек хмыкнул — и тут же ткнулся лицом в стойку от лютой затрешины соседа.

* * *

Бар они покинули бок о бок, как старые знакомые. Век бы не знать таких знакомств! Глаза патрульных спокойно, безо всякого интереса скользили по сторонам, но мысль о бегстве Иван прогнал как непоследовательную. Собственно, именно к этому он и стремился, затеяв драку. Теперь короткий суд — и всё! Все остальные тоже погибнут, но лучше умереть от честной пули, чем так, как ребята с «Дежнёва». Ивана передернуло, даже хмель на миг отступил.

А девочка... О девочке позаботятся. Пока есть кому заботиться. А потом... Потом — как все: что она, лучше дру-

гих? На Земле полным-полно тринадцатилетних, и тех, кто младше, тоже полно!

— Жрать хочется, господин лейтенант, — сказал тот патрульный, что дожидался у дверей. — Может, зайдём куда-нибудь? Как только этого сдадим. Куда его, на гарнизонную губу или сразу в округ?

— Этого, Пчелидзе, — усмехнулся лейтенант, — мы доставим в штаб Космофлота. Этих, — уточнил он.

— О как! — удивился десантник. — А пожрать там есть, господин лейтенант?

— Там отличный буфет, — ответил лейтенант. — И недорого.

— А нас пустят? — усомнился Жуков. — Штаб флота как-никак. Вас, господин лейтенант, точно пропустят, а нас с Пчелидзе?

— Пустят, — успокоил его лейтенант. — Уж если в штаб попал, то и в буфет попадешь. Главное, не нагнеть и адмиралов локтями не расталкивать...

И вдруг бешено зыркнул на десантника. Похоже, изображать невозмутимость командиру патруля удавалось уже из самых последних сил.

* * *

— Пойми, капитан, у нас просто нет иного выхода!
Адмирал Сильвио Парамонов был смущен — или талант-

ливо разыгрывал смущение, Иван не решил еще, что происходит на самом деле.

— Мы разбиты, мы отступаем по всем фронтам! — продолжал Парамонов. — Флармии уже в Солнечной системе. Всё, что дальше орбиты Юпитера, для них собственный задний двор.

— Вы посылаете нас на смерть, господин адмирал, — угрюмо сообщил Шарганов. — Вы не имеете права.

— Ты военный, капитан! — удивился адмирал. — Посылать на смерть — это мое право и моя обязанность. Умереть по приказу — твой долг. Забыл присягу?

— Я — не забыл.

Окончание фразы «а она — не приносила» было слишком очевидным. Поэтому оба они, мужчины, военные, одновременно уставились в пол.

— Мы пытались им объяснить... — Парамонов, все еще не поднимая взгляд, неловко развел руками. — Бесполезно. Те, кто выжили, для флармиев — экипаж. Экипаж должен быть передан им. Точка. Ну и, чего уж там, когда вы выходили в рейд, на борту были в том числе настоящие курсанты, от силы парой лет старше. Мальчишки...

— Да, адмирал. Мальчишки.

Это тоже прозвучало как «а не девчонки». И пара лет в таких случаях — значимый рубеж.

Для людей, во всяком случае. Флармии скидку на возраст и при других обстоятельствах не делали, с самого начала, ко-

гда война многим казалась обычной. Ни на возраст, ни на пол. Все обитатели побежденных миров это запомнили на-твердо... в тех редких случаях, когда случайно оставалось, кому запоминать.

Правда, у флармиев, кажется, вообще нет концепции детства как такового. Каким уж именно образом столь продвину-тый вид ухитряется обходить проблемы роста и взросле-ния, какие аналоги деления-почкования-клонирования поз-воляют им множить свой род, при чем тут Первое Яйцо – даже у ксенобиологов согласия по этому вопросу не было, а для Космофлота он просто не стоял. Такие вопросы – ис-ключительное право победителей. Флот должен был сделать все, чтобы ими оказались земляне. Он и сделал все, что мог – но...

– Ну хоть ты-то мне Расскажи... — с тоской произнес ад-мирал. — Откуда вообще взялись эти обломки крушения, да еще почти возле самого Фларма? И что это за чушь – «как будто синий клипер на бесцветной волне»?

– Не могу знать, — с каменным лицом отчеканил Иван. — Находился на орудийной палубе. Шлюз, куда был принят аварийный объект, расположен в навигационном отсеке, тре-мя ярусами выше.

– А потом? Ты своими глазами видел...

– Не могу знать. Девчонку – видел. Обломки чего-то – ви-дел. Клипером они прежде могли быть ничуть не хуже, чем чем-либо иным.

Адмирал вздохнул. Мозг корабля, конечно, зафиксировал все с точностью — но он сейчас недоступен. А информационная емкость спасательной капсулы вместила жалкие крохи тех сведений, которые хранит сеть «Дежнёва».

Можно, конечно, было хотя бы прислушаться повнимательней к рассказам самой девочки — но некогда это делать, некому, да и незачем теперь.

— Ваше право, адмирал — послать в бой... — Голос Ивана был не менее каменным, чем выражение лица. — Меня. Не... нас обоих. И в бою я могу выжить. В любом, самом страшном бою! Невероятная случайность... На «Дежнёве» мы отправились к Фларму умирать, но я выжил, вот что я имею в виду. А сейчас вы приказываете совершить самоубийство. Причем не только мне.

— Не приказываю, а прошу, — тихо сказал Парамонов.

— То есть я могу отказаться? Мы оба можем? — уточнил Шарганов.

— Конечно.

— И нас не остановит охрана?! — не поверил капитан-бомбардир.

— Не остановит, — кивнул адмирал.

— Интересно, как долго мы будем гулять на свободе? — пробормотал Шарганов. — Скоро нас схватят патристически настроенные граждане?

Адмирал отвел глаза: — По требованию флармиев до того, как они заберут вас, вы оба свободны и неприкасаемы, —

нехотя сообщил он. — Хоть вместе, хоть порознь...

— Порознь... То есть гуляй, рванина? — горько рассмеялся капитан-бомбардир. — Могу делать что угодно: стрелять на улице прохожих, гадить на крыльце резиденции президента, насиловать малолетних приютских воспитанниц, и мне ничего не будет?

— Мы обеспечим охрану, — хрипло подтвердил Парамонов.

— Слушай, адмирал, — Шарганов вдруг заговорил шепотом, словно кто-то мог их подслушать. — Значит, порознь... А если я все это — в одной стороне, громко, открыто, всем напоказ... а девчонку тем временем по-тихому...

— Вам обоим вживлены их маячки, — так же шепотом ответил Парамонов. — Это тоже требование флармиев. Они все равно заберут вас обоих, капитан.

— Вот дерьмо! — выругался капитан-бомбардир. — Куда не кинь... давайте ваши, черт!.. их требования к моему поведению.

Адмирал вручил ему полученный от Лазурного Флармит-роя фолиант. Иван Шарганов взвесил книжищу в руках, прочитал название, подумал и добавил в личный список мерзостей слово «протоколий».

* * *

Флармии не признавали симметрии, ясно выраженных уг-

лов и ровных плоскостей. Посольский крейсер более всего напоминал гигантский гриб-дрожалку. Причудливо вывернутая бахрома оранжевых лопастей, темные провалы в «плодовом теле», капли жирной «росы» на лаковых стенках. И запах, всепроникающий запах пряностей! Поверх туши крейсера висела в воздухе оранжевая же дырчатая, сплетенная из склизких тяжей нашлапка посадочной площадки.

Или того, что адмирал Парамонов принимал за посадочную площадку, поскольку об истинном предназначении нашлапки флармии не распространялись. Впрочем, этот вариант был не хуже всех прочих. Он, по крайней мере, имел вполне человеческий смысл.

А может быть, не имел, поэтому машина адмирала садиться не стала. Снизилась, приблизилась, насколько это возможно, и оставила на бугристой поверхности двоих людей. Едва они коснулись босыми ногами оранжевого желе, в кабине адмиральского коптера возник фантомный флармий.

— Иван Шар-рганов, стражн, истинное-верное, — возвестил он. — Курсан Веранд. Тр-ребовательное исполнение. Мной, Лазурный Флармитрой, пр-ринятие есть!

Сильвио Парамонов с сомнением посмотрел на флармия. Эта особь и близко не напоминала того Лазурного Флармитроя. Другое расположение дыхалец и псевдощупалец, другая форма фиолетовых пятен. Или его зачем-то водят за нос, или Лазурный Флармитрой был не именем, а кастой, должностью, функцией либо чем-то другим, неизвестным и

непонятным. Впрочем, с этим пусть разбираются ксенологи. Жертва принята, и это главное.

Фантом с чавканием схлопнулся. Адмирал махнул рукой, и движок взвыл, набирая обороты. Оказаться подальше от крейсера флармиев, — вот чего сейчас хотелось Парамонову больше всего. Пилот коптера полностью разделял его желание.

А еще им обоим хотелось сдохнуть.

* * *

Шум винтов коптера стих, и люди остались на площадке в одиночестве. Осенний ветер мерзко холодил голую кожу. Уничтожение всех покровов, включая растительность на теле, было одним из требований «протоколия».

Тварей стыдиться нечего, а вот на Веранду капитан-бомбардир смотреть избегал. Надеялся, что и она на него сейчас не смотрит.

Черт бы со всем этим, но погода подкачала. Хотя какое дело флармиям до комфорта смертника?

Иван сложил руки на груди и сел где стоял: прямо в оранжерее, неожиданно теплое, словно бы даже ласковое, вкусно пахнущее ванилью и корицей.

— Ты только дождись меня, дядь Вань, — прозвучал голос Вероники. Не поворачиваясь, Шарганов пожал плечами.

— Нас вместе не выбросит, — объяснила девочка. — Во-

обще-то взрослые попадают в иные миры. В соответствии со своими склонностями, заслугами и устремлениями.

Последнюю фразу она произнесла немного странно, словно цитируя кого-то.

– Но мы вместе, потому тебя, скорее всего, выбросит на полдороге. Вселенная еще в процессе становления, у многих экспериментов бывает сбой...

Эти слова тоже прозвучали как-то по-взрослому, по-учительски. Вероника, сама заметив это, хмыкнула и дальше продолжала своим обычным голосом:

– Я такое уже видела. В первый раз пришлось долго собирать тех, кто оставил свои тела вместе со мной – туристов, маму, отчима... Хорошо, что все меня тогда дождались, их же расшвыряло по разным пространствам!

– А тебя куда? — спросил Иван, просто чтобы не сидеть молча.

– Да как и в прошлый раз: Серая галактика, звезда Ржавый Гвоздь, восьмая орбита! — По-прежнему не оборачиваясь, не видя Веронику, он почувствовал, что она небрежно махнула рукой. — Пятый от Всемирной оси угловой конус, сто тринадцатый вектор. Там еще такая маленькая планетка есть, прозрачно-синяя, а на ней квадратная каменная площадка, и по краям два фонаря, знаешь, старинного вида, на чугунных узорчатых столбах... Ты не парься особо, все равно взрослые в этом ни бум-бум!

Иван сумел улыбнуться.

– Только, главное, сам с места не пытайся трогаться, — деловито продолжила она. — Даже если сумеешь отыскать Землю, то все равно увидишь пустой каменный шар. А тебя там вообще не увидят, мы для тех землян будем... ну, как бы прозрачны.

Оранжевая жижа шагах в десяти впереди вдруг с влажным хлопом выбросила толстую ложноножку, потом вторую, третью... Извиваясь подобно безглазым червям, ложноножки сплелись в подобие арки. Внутренность арки мерцала.

Вход... Флармии призывали их внутрь.

Нет уж, ребята. Мы жертвы, наклонение страдательное. Сами, если нужно, перемещайте.

– Обратной дороги нет, но есть просто Дорога, — заторопилась Веранда. — На ней можно встретить кого хочешь и прийти куда угодно. Или прилететь. Я уже привыкла летать на синем клипере. У меня был с собой бумажный, сейчас его отобрали, конечно – но есть корабли, которые потерять нельзя: он все равно из лучей Мирового Света построен! И вообще – в кораблях не бывает зла, ни в каких...

Она говорила что-то еще, но слушать ее вдруг сделалось невозможно.

– Так и буду сидеть, — сообщил капитан-бомбардир: не девочке, а в пространство.

И вдруг вскочил, потому что тело словно плазменным ударом ожгло. Рядом коротко вскрикнула Вероника, тоже вскакивая.

Хозяевам надоело ждать, и они проявили настойчивость.
– Да чтоб вам пусто!.. — заорал Иван и, высоко подбрасывая колени, побежал к арке.

* * *

В корабле их сразу разделили.

Полета на Фларм Иван не запомнил. В памяти его осталась затянувшая вход мембрана и его искаженное отражение в ней. Голый, испуганный человечек, заляпанный неровными фиолетовыми пятнами, с неприлично торчащими в стороны ушами. Курсант-первогодок после прививок, честное слово, ровесник Вероники, только куда глупее и трусливей! Растопыренные уши остались последним, что бросилось ему в глаза, прежде чем наступила темнота.

...Ослепительный свет!

...Густой медово-миндальный дух!

...Неслышный, внутри черепной коробки заключенный грохот!

Капитан-бомбардир очнулся, сел и огляделся. Его окружали ставшие за время службы привычными и почти родными стены реакторного зала «Землепроходца Семёна Дежнёва». Реактор и прочее оборудование флармии сняли, и со стен глядели на просторный пустой зал слепые сейчас экраны оперативного мониторинга. В одном месте стену вскрыли, и сейчас там мерцала уже знакомая Ивану мембрана вхо-

да.

Сам Иван находился в середине липкой оранжевой подушки, рядом, приходя в себя, поднималась на ноги Веранда. А вокруг стояли — или восседали, черт его разберет, как возможно выразиться про помесь слизня с насекомым! — несколько флармиев самого отвратного вида. Охрана, или чего там требовал «Протоколий» жертвоприношения?

Их. Сейчас. Убьют!

Ужас близкой и неминуемой гибели лишь теперь по-настоящему добрался до капитан-бомбардира. Кишки скрутила судорога, замутило, и Ивана вырвало вчерашним завтраком. «Не так долго и летели», — отметила та часть сознания, которая не билась сейчас в конвульсиях, не выла от смертной тоски, не корчилась от стыда перед девчонкой, странно спокойной.

Оранжевая жижа под ногами равнодушно впитала в себя рвоту и снова стала глянцево́й, блестящей.

Флармии охраны или чего-то там иного вдруг захлюпали, пуская пузыри, тонко засвистели. Вокруг помутнело, затуманилось. Запахло чем-то знакомым, растительным. То ли укропом, то ли тмином. Иван вдохнул сгустившийся воздух, и тоска развеялась, стало хорошо и весело!

– Великость доли напитание Первое Яйцо, — сообщил новый, незнамо откуда явившийся флармий, немного иной, более толстый и солидный, — надлежание встр-реченность радовать!

Толмач, сообразил Иван и хихикнул: — Ага! Я радуюсь. Та-ак радуюсь, гы-ы!

Действительно, что может быть почетнее, чем послужить пищей Первому Яйцу! Неизвестно, что флармии имеют в виду, и плевать.

Толстый флармий надулся еще больше, проникся, видать, радостью пленника, и обрадовался сам.

— А вас никуда не выбросит, — вдруг сказала Вероника без страха, но с удивлением. — Бесцветные Волны принимают на гребень только тех, кто мог вырасти в своих мирах. А вы... вы же там, у себя не растете! — На нее веселящая отравка то ли не действовала, то ли подействовала вот так, совсем иначе, чем на Ивана. — Вас сразу затянет в Абсолютное Ничто!

Лишь сейчас в голосе девочки прозвучал испуг.

Охрана взвыла и забулькала громче, запахи кухни стали плотными — только режь, и через мембрану входа полезло в реакторный зал несусветное Нечто. Огромное тело, испещренное фиолетовым, сиреневым, лиловым, разделенное перетяжками, как царица термитов, и маленькая головка на переднем конце.

— Первое Яйцо! — возвестил толстый.

Кожа Первого Яйца натягивалась и бугрилась, под ним непрерывно происходило какое-то отвратительное движение. Не будь Иван столь рад и горд оказанной ему великой честью, его непременно снова стошнило бы. Но он лишь за-

улыбался и спросил толмача:

— Нас убьют... как?

— Жер-р-твление форр, — охотно откликнулся толмач, — мыслительный пр-ридаток отделением!

— Не бойся, дядь Вань, — поспешно зашептала Вероника. — К нам на астероиды один прилетел с дырой вместо сердца, целый день так ходил... А другой вообще... ну, что остается от человека, если у него под ногами лопается тяжелая мина?.. Но все сползлось, срослось! Ты только не бойся...

Им отрежут головы, сообразил плывущий на волнах эйфории капитан-бомбардир. Им отрежут головы, и кровь их прольется на пол реакторного зала.

Иван засмеялся. Флармии ничего не нашли и не поняли! То, к чему готовился экипаж «Дежнёва», свершится.

В кораблях не бывает зла. Но и добро они несут не всякому.

«Землепроходец Семён Дежнёв» был не мегадестройером, а мегабрандером. Они шли в самоубийственную атаку, а для надежности, в случае гибели экипажа, запалом послужила бы их кровь. Антивещества в магнитных ловушках корабля хватит, чтобы превратить систему Фларма в ничто!

В воздухе проявилось тонкое лезвие, поплыло к Ивану Шарганову – и он захохотал еще громче.

Андрей Бреусенко-Кузнецов

Статуя Командора

1

Взламывать оковы пришлось силой мысли. Небыстрое занятие, к тому же отождествление с отмычкой здорово притупляет ум. Провозившись более суток, освободил непослушные руки, снял мешок с головы – светлее не стало. В поисках света подтянул тело к каменной лестнице, ведущей прочь из подвала. По ней, однако, бродили какие-то тени. Это фантомы, сказал себе я. Они реальны, возразил я себе, их стоит остерегаться. «Прекратите болтовню!» – гаркнул я сурово на всех нас, и мы послушно затихли. Осторожность – неплохой знаменатель.

Несколько часов ушло на ожидание, когда же уйдут тени. Но стоило какой-то из них убраться, неминуемо являлась следующая. Они издевались. Верней, издевались не сами тени, а что-то, что их отбрасывало. Статуи! Да, их удалось-таки разглядеть; это они мерно вышагивали напротив широко распахнутой двустворчатой двери. Девушка с веслом. Авиатор с планером. Мальчик-горнист. Снова девушка – та же самая, но с каким-то другим снарядом. Все как из далекого

пионерского детства.

Вышагивали? Статуи не ходят, возразил себе я. Их конечности скованы гипсом. Что же их движет? Должно быть, внешняя сила. Желание убедиться приподняло меня на шаткие ноги, повело под стеночкой, приблизило к выходу. Ну что я себе говорил: застывшие изваяния плывут по воздуху. Вот грузчики, которые носят их на спинах, те и подвижны в суставах, и даже по-человечески озвучены. Кряхтят. И кто-то выкликивает:

– Лыжница – одна штука. Барабанщик – четвертый. Горнист – девятый.

Но кто ведет учет, из-за узости дверного проема не видно. Подглядеть? Но, высунувшись из подвала, я познал раскаленную тяжесть заоблачного солнца, от которой словно закаменел.

– Эй, кто поставил здесь Командора? – услышал я голос учетчика.

– Лёха, кажись, – отозвались грузчики.

– А ну грузи его с остальными скульптурами!

Меня подхватили бесцеремонные руки, взвалили на спину, куда-то понесли. Я пытался сопротивляться, но пошевелиться не удалось. И сила ума тоже пребывала в ступоре. Надо же, меня приняли-таки за Командора. Жаль, не за него самого, всего лишь за статую.

– Тебя на форуме приняли за Тропинина? – удивился Юрка-терапевт. – За того самого, за Владислава, да? С этого места, пожалуйста, подробнее. – Сделал, будто фокстерьер, стойку. Или, будто окулист, опустил «сверкающий глаз». Или как еще метафорически обозвать его новую профдеформацию?

Юрка не так давно получил второе образование – психоаналитическое. Теперь он с переменным успехом пытается практиковать, чтобы вылезти из долгов, в которые залез в период обучения. Правда, влекло его не столько на поля клинического психоанализа (исцелять страждущих на кушетках), сколько в небеса психоанализа прикладного (постигать разные явления культуры, сидя в башне из слоновой кости). Прикладнику – чисто в теории – легче поднять большие деньги, но при том условии, что ему благоволят власти. Зато клиницист имеет более твердые шансы хоть как-то себя прокормить, ведь пациенты страдают не понарошку. Ну а если ты Юрка, то у тебя, конечно, и с твердыми шансами кривовато выходит, а уж с хлебом политехнолога – так и вовсе никак. Что остается Юрке? Старым друзьям доказывать, что хоть на что-нибудь выучился. С вечной оговоркой: «Друзей не анализируем!»

Ну да оговорка-то оговоркой, но «сверкающий глаз» Юр-

ка нацеливает автоматически. Ничего не попишешь: он теперь так живет. Только где какая проблема – с ходу интерпретирует. А кто сейчас живет без проблем, тем более у нас в Центраине в период конфликта с Полуостровом?

– Ладно, расскажу. Хотя и вспомнить-то нечего. На русском литфоруме «Фантиздат», где я выложил... ну, старые свои рассказы школьной еще поры... – говорить почему-то становится трудно, дыхание перехватывает. Тьфу, зараза! Сильные эмоции в нашем разговоре некстати. Есть кому за них ухватиться.

– ... школьной поры, – напоминает Юрка-терапевт.

Он-то в своей стихии. Чует оживление бессознательного конфликта на фоне регрессии к подростковым годам пациента. Но самое досадное в том, что и пациент это чувствует.

– ...пронзительные были рассказы, – поясняю я, – и наивные; сейчас я так не пишу. Но... делал ремонт, нашел старую ветхую тетрадь. Содержание показалось ценным, решил набить его в «Ворде», а там... Почему бы и в сеть не выложить? Так надежнее сохранится...

– Хотелось бессмертия, Влад? – серьезно спросил Юрка.

– Тьфу на тебя! – Что с него возьмешь, с интерпретатора? – Ну да, хотелось бы что-то по себе оставить. Это каждому графоману важно. Но я о другом. Стоило выложить эту пару рассказов, как резко подскочила посещаемость моей страницы. Прямо паломничество началось. Оказалось, те рассказы кто-то приписал Владиславу Тропинину, а я-то ни

сном ни духом; думал, это мой талант оценили!

– Так оценили же!

– Да где там! Первым долгом заподозрили в краже. Интересовались, мои ли тексты. А как доказал, что мои, тут же сделали вывод, что я сам – покойный Тропинин инкогнито. Потому что Влад. Железная логика, да?

Что там было, в рассказах? Одуванчики. Заросли татарника и белоцвета. Были порталы в иные миры в старых голубятнях. Главные герои – мальчишки. Вроде не «тропининские», попроще, но были. А еще полет к звездам. И про то, что богом – не так уж трудно. В подходящем-то возрасте. Но даже если убрать, вымарать случайные совпадения – что-то останется. Сам подростковый дух, который теперь все зовут тропининским...

Юра-терапевт слушал сочувственно. Мол, да, очень жаль, что мою поэзию в прозе приписали кому-то другому.

– Кой черт жалко! – воскликнул я для себя самого неожиданно. Счастье, что читают. А что приписывают известному писателю, так это ведь будто знак качества!..

Юрка закивал:

– Понимаю! На нашем птичьем психоаналитическом языке это зовут амбивалентностью отношения к объекту. Тебе и льстит сравнение с Тропининым, и при этом поднимаются агрессивные чувства.

– Но не к нему же, – возразил я. – К тому, что мне в то «тропининское» состояние больше не вернуться! А я ведь

уже и пробовал...

– И что?

– Ерунда выходит. Голубятня есть. Одуванчики тоже. Пацианов так целая куча. А духа нет.

– Ну так пиши в собственном духе. – Юрка с трудом выдавливает из себя советы; им, психоаналитикам, советовать нельзя, чтобы не снять с анализанта ответственность.

– Не могу, – вздыхаю, – никакого духа не осталось. А писать-то надо: я больше ничего не умею толком. Если не наловчусь этим делом хоть чуть-чуть зарабатывать, будет плохо. Долг за квартиру вон какой. Того и гляди выселят. Я уже за порог выходить опасаясь...

3

За порогом дома, в подвале которого я провел последние сутки, расстился солнечный мир. Это он меня, что ли, сверг в тот идиотский ступор, в котором я стал неотличим от статуи? Нет, враги. В их присутствии я филогенетически регрессировал к тому способу адаптивного поведения, который в солнечном детстве не раз наблюдал у насекомых. Замирание. Обмирание. Умирание понарошку, чтобы не случилось всерьез.

В этом состоянии люди в рабочей одежде погрузили меня в открытый кузов грузовика, полного белых статуй. Гипсовая экспрессия этих нелепо застывших фигур делала их

неудобными попутчиками, состоящими из множества углов – сталкивающихся, рискующих раскрошиться. Жаль, что я и сам лишился телесной гибкости. Не было воли пошевелиться, чтобы занять удобное положение; правда, и на коже почему-то не возникало болезненных ссадин – она потеряла эластичность. Ни дать ни взять застывшее насекомое, огороженное от хищного мира хитиновым панцирем. Или грузчики правы – статуя.

Нас привезли, выгрузили, наскоро расставили в пустом пространстве, огороженном забором с колючей проволокой. Около сорока типовых гипсовых статуй, украшавших парки пионерлагерей при прежнем режиме. Верно, теперь те лагеря отошли в частную собственность, а их атрибутику перед уничтожением свезли сюда – в лагерь гипсовой смерти.

Злая судьба неизбежна? Тот, кто сюда нас отправил, был настолько уверен в ней, что даже не выставил охрану. В отсутствие соглядатаев статуи постепенно зашевелились, огляделись. Но лишь к вечеру достаточно осмелели, чтобы позволить себе прогулку, да и то далеко не ушли. Так и слонялись в периметре замкнутого двора в тщетных поисках выхода.

4

– У меня безвыходное положение, – признался Влад. – На меня вышло западное издательство. Настоящее, серьезное, я

проверил: это не развод. Странно, да? Ну, что деловые люди поверили, будто Тропинин жив, а я этакий «старец Федор Кузьмич», отошедший от дел писательских.

– Откуда мы знаем, может, и правда жив? – отметил я дискуссионный момент. – Сообщение в СМИ еще ничего не значит. Ты знаешь, какие СМИ в Центраине. Кто сказал, что в Восточной Федерации должны быть правдивее?

– Знаешь, я тоже так подумал. Воля крупного писателя, властителя дум... И издательство тоже готово с нею не спорить. Обещали напечатать под любым псевдонимом, который я укажу. Прикинь, Юр?

– Что сказать, парнище, рад за тебя! И не кисни так, чуждак-человек: счастье стучится в двери! Берут оба рассказа, да?

Влад вздохнул:

– Да в том-то и дело. Рассказов издательство не печатает. Им нужен роман или большая повесть, а я... Ну, ты знаешь.

– Повесть в тропининском стиле? – уточнил я.

– Да уж не в моем собственном, – с ожесточением выдохнул Влад.

Я предложил приятелю не киснуть: что-нибудь да придумаем. Но он, как обычно, залип в непродуктивных переживаниях, и я понял: программу действий надо составить прямо сейчас.

– А что, если взять любой из твоих рассказов и попытаться продолжить? – посетила меня идея.

Оказалось, и Влада она посещала.

– Я уже пробовал, – выдавил он. – Не выходит. Рассказы слишком цельные, после завершения сказать не о чем. И в старое настроение не попадаю. Будто другой человек пишет. Я ведь стал другим человеком, Юра, совсем другим... – прозвучало так, как будто Влад винился в полной утрате человеческого облика.

Но пропало-то что? Детская непосредственность, и только.

5

Превращение в статую предполагает лишь частичную утрату человеческого облика. Если человек создан по образу и подобию Божьему, то статуя – по подобию человека. Это подметил еще французский философ-сенсуалист Кондильяк, изучавший в «Трактате об ощущениях» – что бы вы думали? Чувствительность живых статуй.

Мысленный эксперимент – что за чудное применение человеческого ума! Кондильяк наделял свою воображаемую статую отдельными видами ощущений, до поры отключая все прочие, затем он по-детски радовался взаимодействию ощущений, из которого и нарождался человеческий дух. Думал ли французский мыслитель, что однажды найдется статуя, которая его эксперимент повторит в реале?

А я повторил. И убедился, что Кондильяк был прав, когда

говорил о главенстве осязания. Чем способнее ты к нему, тем более ты человек. В статуе же без осязания человеческий дух воплощен слабо, почти никак.

Едва я все это понял, тут же поспешил поделиться знанием с товарищами по несчастью. Но поспешишь – насмешишь. К сожалению, первую свою речь я произнес не вслух. Зато вторая была грому подобна.

– Статуи! – возгласил я. – Братья по гипсу!... – и сам себя испугался.

Те из братьев, кто уже овладел речью, зашушукались:

– Кто это? Почему он кричит? – Шум нарастал, пока гипсовый горнист не затрубил сигнал «внимание».

– Слушайте его! – сказала дама с веслом. – Он Командор!

И я, более не смущаясь, поведал о своем открытии. О том, что разные виды чувствительности стоит в себе развивать. Особенно осязание.

– Только не его! – возразил дискобол-скептик. – С осязанием в бытие статуи приходит и боль. А где боль, там ворота страха.

– Если не делать ворот, – отвечал я, – то на что надеяться?

6

Черные тучи над моей бедной головой мало-помалу впустили в сознание луч надежды. Хорошо иметь друга с навыками психотерапевта. Да и просто друга тоже очень неплохо.

хо. Ведь никакой терапии, в общем-то, не было. Юра просто меня выслушал и натолкнул на интересные мысли.

Когда я признался, что свои «рассказы детства» видеть уже не могу, он предложил вспомнить вещи самого Тропина. Как-никак, первоисточник.

И тут выяснилось, что Тропина я знаю слабо. И все же...

– В детстве читал «Всадники со станции Снег». И еще это... «Бегство охотников за головами».

«Значит, нужные книги ты в детстве читал», – тут же припомнилось.

– Хороший задел, – похвалил и Юрка. – Детские впечатления дают честную эмоциональную реакцию. Не испорченную ни подбострастием, ни сравнением с собственными липотытами, ни мнениями ныне действующих светил. Всегда важно, чтобы очарование и разочарование шло из глубины детского сердца. Кстати, как у тебя насчет разочарования?

Ох, как здорово: есть такое!

– Я ждал приключений, – припомнилось. – Всадники приехали слишком поздно. Только явились, а повести конец. А еще покататься? А новые подвиги неуловимых? Я читал «Охотников за головами» и ждал: может, всадники доскачут и туда? Но увы... И знаешь, Юрка, мне казалось, и Владислав Тропинин сожалел, что это уже другой рассказ...

– Отлично! – воскликнул Юрка в воодушевлении. – У тебя есть шанс поправить мэтра. Теперь я удаляюсь, а ты пи-

ши!

Он ушел. Я сел за потертый свой ноутбук и ночь напролет пытался. Вышел пшик. Настроение тропининское я вроде поймал, прочувствовал. Но выразить его в тексте, вслед за великим тезкой... Увы, я оказался намного дальше от понимания, как им это было сделано.

7

На третьи сутки насельники концлагеря для статуй были уже на пути к очеловечиванию, но далеко продвинуться не успели по причине инертности материала. Однако тут явилось начальство в сопровождении пятерки автоматчиков на случай, если гипс не ко времени взбунтуется. Все как один – чистокровные люди, да такие мордатые, какими бывают только образцы послушания системе. Статуя себе такую-то харю редко когда наест.

– Эй, гипсовые болваны! – вскричал кудрявый широко-мордый властитель. – Протрите поганые уши и слушайте сюда! Согласно последней редакции конституции Центраины все пережитки тоталитарного прошлого объявлены вне закона и подлежат уничтожению. На следующей неделе придет грейдер, который здесь все заровняет. Слышало, сволочь? Но наше гуманное ведомство дает вам шанс. Тот, кто согласится на сотрудничество, будет эвакуирован и продолжит свое ничтожное существование – разумеется, за преде-

лами нашей любимой Центраины. Мы позволим дурачкам с Полуострова вас выкупить, – начальник хихикнул. – Но не всех. Только тех, кто пойдет на сотрудничество. До сих пор у нас не было своих шпионов на Полуострове, теперь они будут. Ну а те истуканы, которые для этого сотрудничества слишком глупы, здесь и останутся. За вашу утилизацию отвечает, ха-ха, господин грейдер.

Пока мордоворот распинался, а автоматчики демонстрировали готовность всех искрошить, пара давешних грузчиков сооружала в углу лагеря армейскую палатку – высокую, чтобы начальству не склонять головы. По завершении речи туда стали приглашать наших – для индивидуальных бесед. Кто сам шел, а кого и несли. По завершении разговора их разделяли на две неравные группы, сосредоточенные в разных местах лагеря. Видать, часть сотрудничать согласилась, другая нет. Но где какая, иди пойми. Мы, простые статуи, пока настолько безлики...

8

– Опять ерунда, – жаловался Влад. – Настолько вышло безлико...

– Чтобы писать, как Тропинин, – назидательно молвил я, – мало снять внешние признаки его стиля. Надо вжиться в сам его творческий акт. Сонастроиться с миром чувств, а не настроений. Уловить скрытые цели. Понять, зачем он пишет

так, а не этак. Одних детских воспоминаний для подобной работы мало. Вот, держи флешку. На ней все его книги, читай.

– Пиратское? – хмуро поинтересовался Влад.

– Стыренное у пиратов!

Лишь под этим соусом ему и «зашло». Чистое ребячество, право слово! Но если ты нищ, как огородное пугало, тебе не до законов о контрафакте. И коль не можешь поддержать культуру деньгами, так хоть вниманием.

Всё, что сейчас передал Владу, я и у себя сохранил. И основательно так вчитался: интересно же! И, по-моему, уловил главные мысли Тропинина, кочующие из одной повести в другую.

Многогранность. Главное свойство модели мира, раскрытой в его мегацикле «Великий Кристалл». Разность граней, но пронцаемость ребер. Каждая грань – свой особенный мир, посетить который можно силою духа либо с опорой на технические декорации (в интерьере звездолета и электропоезда переход намного комфортнее). Что это за миры такие, в которые можно попасть напряжением психических сил? Внутренние миры. А Кристалл, соответственно, представляет многогранность личности. Только осознанная ее жизнь ограничена: протекает на единственной грани. А почему бы не выбраться за пределы?

Кстати, Тропинин и сам не любит задерживаться на одной грани. Потому его повести, как правило, не длинны. Прихот-

ливо увязаны в целое общими идеями и персонажами, каждый из которых лишь раз сверкнет в качестве героя. И наоборот, каждый герой многого не успеет. Для всякой грани герои нужны свои.

Кто они, герои? Мальчишки. Если взрослые, то родом из детства. Взрослых родом из детства психоанализ считает инфантильными, но здесь не тот случай. Фрейд, извини. Детская сексуальность, эдипов конфликт, столкновения влечений с запретом – всё не о том, ведь из детства героев исходит сила, а не невротические проблемы... Хотя да, их можно толковать и как застрявших в Эдипе, но тропининская специфика уйдет. Кажется, вот почему: возраст героев Тропинина тяготеет к младшему школьному. Не к дошкольному, когда эдипов конфликт расцветает впервые, не к подростковому, когда возвращается в бурных энергиях пубертата. Важное для Тропинина время носит имя латентной стадии, все, что на ней происходит, – в основном не про сексуальность. А про что? Про верность. Идею, себе и другу. Взрослых, которую эту верность в себе сохранили, Тропинин зовет Командорами. Кем командуют Командоры? Ну, в основном собой. Это тоже немало. Командоры спасают детей, а на самом деле – себя. Себя настоящих.

Что героям мешает? Страхи. Они тоже приходят из школьного детства, где персонифицированы хулиганьем с разными позорными кликухами. Плюс к хулиганью – ложные Командоры. Это дядьки с педагогической жилкой и с

талантом к манипуляции. Многолик мирок школьных садистов, а во взрослой жизни нам встречаются те же типы, да лучше прячутся. Но случись где горячая точка – ведь воспрянут во всей красе!

Помогает героям что? Сверхспособности, а еще артефакты. Мелкие предметы: монетки, пуговицы, шарик, кристаллик. А еще – Старая Тетрадь. В чем их роль? Ориентируют. Отсылают к прошлым историям. К героическим канонам должного. В артефактах материализована энергия духа. Аналитик фрейдовской школы обнаружил бы в том фетишизм, но меня ругаться не тянет...

Что ж, для начала достаточно. Если Влад хоть это поймет, у него все получится.

9

Не срослось. Я даже не начал писать повесть, а за мною уже пришли. Открываю дверь, а они уже втроем под стеночкой топчутся. Корочку предъявляют: Служба безопасности Центраины. И ордера на арест и обыск. А лица такие наглые, уверенные: ошибки не будет. С чего бы?

– Итак, – неприятно сощурился чин безопасности в черном, – вы подтверждаете, что являетесь запрещенным в Центраине писателем Владиславом Тропининым, чье творчество воспевают тоталитарный режим Восточной Федерации?

Ах, вот оно что! Оказалось, от имени известнейшего из-

дательства Западной Федерации со мной говорили подставные лица. Являюсь ли?..

– Нет! – улыбнулся я.

– А это что? – показал он подписанный мной договор о намерениях.

Сам-то текст договора ни к чему пока не обязывал, но юристы составили его не с кем иным, как с Тропининым. Что же я, дурак, подписал?

Прежде чем обшарить квартиру, безопасник будто ненароком спросил:

– А где Юрий?

– Какой Юрий?

– С которым вы только что разговаривали. Мы его не встретили почему-то.

Ага, и квартира была на прослушке! Но уж Юрку-то я не выдам:

– Это я сам с собой болтал. У меня бывает.

Пришелец недоверчиво усмехнулся:

– Играете невменяемого? Не поможет! – Он бесцеремонно схватил со стола мой телефон, пролистал контакты, затем вскрыл его корпус и извлек сим-карту. – Изучим. – А телефон оставил на столе. Его просчет. Стоило ему отвернуться, как я вернул себе средство связи.

А ведь с Юркой можно связаться и без сим-карты. Даже при разряженном телефоне. Он меня услышит и так. Я пробовал.

Вот и теперь связался, пока черный сотрудник уткнулся в мой ноутбук, один из его подручных шарил в книжном шкафу, а другой на кухне упаковывал в следственный чемодан микроволновку и чайник. Ага, чтобы снять информацию.

– Юрка, – сказал я, – меня здесь обыскивают и вяжут парни из СБЦ. Что скажешь?

Черный безопасник посоветовал не паясничать. Он решил, что я просто пытаюсь его отвлечь от интимной своей переписки, – и лишь усилил свое к ней внимание.

Но Юрка-терапевт мне ответил. Он ведь был здесь, в трубке.

– Понял, – сказал он. – Хорошо, что я спрятал вещдок – Старую Тетрадь. Полагаю, за ней охота. А электронные документы и так лежали в сети в самом свободном доступе.

– То есть мне стоит расслабиться, и чаша меня минует?

– Нет, не так, – спохватился Юрка. – Не минует. Если на то пошло, лучшей для тебя линией будет симитировать психоз. Что-нибудь зрелищное. Кататонию сможешь?

– Ой, это что такое? – вроде знакомое слово, но пока разберешься...

– Объясню популярно, без лишних тонкостей. Помнишь, ты в школьном театре играл статую Командора? Вот примерно такая пластика.

Помню ли я, как играл статую Командора в школьной пьесе по мотивам мольеровского «Каменного гостя»? Ну, к сожалению, помню. И, что характерно, всю историю – с первой репетиции. Мне ведь не сразу досталась роль пакостной статуи. Я готовился ни много ни мало – к роли Дона Жуана, и получалось, по общему мнению, очень славно, то есть разумного основания снять меня с роли вроде бы не было. Но лишь до той поры, как кудрявый мерзавчик Лешка Булыгин, любимец учителей и одноклассниц, возжелал эту роль себе. Как он играл? Да посредственно. Представлял все тот же заносчивый образ себя, каким день ото дня звездил на уроках да переменах. Заикался – ибо был он к тому же заикой. Но учителя высказались хором: героем-любовником может быть только он. Это-де ему органично.

Как их решения воспринял я? С тихой яростью. Собирался в знак протеста вовсе ни в чем не участвовать, но придумался: это ведь выйдет бегством! А я в ту пору как раз мечтал податься в актеры, другого дела жизни даже не представлял. Вот и смекнул: останусь. Но нанесу свой удар. Так отыграю статую, что героя-любовника даже никто не вспомнит.

Удалось ли? Местами. В эпизодическом образе статуи внимание зала на себя, конечно, перетянул. Но финал ми-

зансцены вышел для меня неожиданным. Дон Жуан Командорову руку долго не отпускал, вместо того чтобы честно упасть замертво. В рукопожатие Леха вложил всю свою дикую злость и обиду, а клешни его были сильнее моих ладошек. Оставалось стоять и не морщиться. Образ статуи обзывал ко многому.

– Ты терпи, статуя, в Лувр попадешь! – издевательски прошипел он.

А из-за кулис возмущенная труппа шептала мне, чтобы я отпустил руку и дал герою упасть.

Чем закончилось? Моей фразой, сказанной громко, на зал:

– Отцепись от руки, придурок! – и показательным исключением из школьного театра за неспортивное поведение.

Я собирался вернуться. И долго еще планировал поступать в театральный. Но что-то с тех самых пор мне мешало. Лицедейство забросил, тонкие движения души пытался выражать письменно. Получалось ли? Больше нет, чем да.

11

Возвращение в старый образ, регрессия к былому конфликту и былому ресурсу – как это по-тропинински! Но, как видно, не все в истории Влада уместилось на том пронзительном острие нравственного закона, которому подчинены миры в глубинах Кристалла.

Там, где Влад не совпадает с каноном писателя, он попадает под действие других канонов, некогда начертанных законодателями глубинной психотерапии – Фрейдом, Юнгом и Адлером. Не один, так другой или третий убедительно объяснит, отчего же актер, попытавшийся имитировать кататонический ступор, был захвачен старым симптомом и ушел от понимания не только чинов службы безопасности, но и от своего собственного.

Ну а что же я? Я не в силах был ни ему помочь, ни как-либо проявиться. Я ведь кто? «Человек из февраля», внутренний терапевт расщепленной личности. За пределами психического мира Влада меня вообще нет. Я не могу зайти с другой стороны, подойти снаружи. Я одна из тех функций психики, которая замирает, едва личность спускается на дочеловеческий уровень реагирования.

И все же в какой-то момент разум Влада сложится вновь, чтобы юркой ладьей выплыть из небытия. И ладьей будет Командор Влад, а за юркостью станет следить его верный штурман – терапевт Юрка.

Это что? Сознания свет? Но тогда почему так темно? А, подвал и мешок на голове, вот от них и темень. Надо выйти, но не идут ноги. Надо снять – но руки не слушаются. Тоже мне органы сознательного действия.

А! Вот оно! Не слушаются, поскольку прикованы – это все объясняет. Надо бы скорей расковаться. Но чем это сделаешь, если нет инструментов и руки заняты? Все надежды на

силу мысли...

Может, в новой конфигурации Малого Кристалла она стала сильнее, чем была?

12

Сила мысли... Я вторично вспомнил о ней, когда стоял последним в очереди на собеседование в палатке кудрявого мордоворота. Эта сила тогда, в подвале, помогла снять наручники. Что же я не пользуюсь ею теперь? Ведь наручники сковывали свободу движений намного сильнее по сравнению с автоматчиками; да и прикасались они непосредственно к телу, а не только к страху его потерять...

Но тут я подметил знакомые ходы мысли.

– Юрка, ты?

– А то кто же? – отозвалась статуя юного барабанщика передо мной.

– Как-то молодо выглядишь...

– Да не суть. Называй меня Юрка-младший.

– Очень рад тебя видеть! Не подкинешь ли мне идею...

– Как использовать силу мысли? Заклинаю тебя хорошенько сперва подумать, а тогда уж использовать. А не то пожелаешь, чтобы, к примеру, солнце вышло из-за туч, а оно из-за этого приблизится к земной атмосфере. Космос порою хрупок.

– Я настолько силен? – вот удивление-то. – Что ж тогда

заперт в эту постылую статую?.. Ах да, кажется, по собственной воле...

Однако стоит повнимательней разобраться в ситуации. Собеседование черного начальника со статуями идет полным ходом, по итогам их сортируют на две группы, а я так и не знаю, какая из них согласилась сотрудничать с властями, а какая проявила непреклонность. Хорошо бы, чтобы твердость духа проявило большинство, но вправе ли я рассчитывать на такой сказочный результат? Даже человеческие выборы дадут другую статистику, а тут, как-никак, статуи...

– Хочешь узнать их выбор? – Юрка-младший растянул гипсовое лицо в подобии улыбки. – Он тебя не утешит. Сотрудничать с кудрявым садистом согласились все. Просто часть этих статуй отправят на Полуостров шпионить, а другую, меньшую часть – совершать теракты.

– Да? Откуда ты знаешь?! – воскликнул я.

– Угадай. Психотерапевтам негоже подсказывать выводы, к которым может прийти и сам анализант.

Я подумал и вдруг догадался. Ну да! Если Юрка, который, чего скрывать, это мой же внутренний голос... Если он говорит устами гипсового барабанщика, то значит... Значит, мой внутренний мир занимает больше одной статуи.

– Bravo! – порадовался за меня Юрка. Даже стукнул в свой гипсовый барабан. И застыл выжидательно.

Если больше одной, почему не все? Если вдуматься, то откуда могло бы взяться столько однородных фигур? Это гра-

ни одной фигуры, все явились из одного Кристалла. Из моего собственного.

Юрка-младший поддержал мою мысль длительной барабанной дробью.

– Но ведь я здесь, по-видимому, главный? Я ведь не зря Командор!

Юрка согласился и с этим.

– Командора должны слушаться! Ну, хотя бы в теории...

– А ты не пробовал им на практике чего-нибудь приказывать?

Интересно, что эта простая мысль до сих пор меня не посещала. Я прокашлялся и пророкотал громовым командорским голосом:

– Статуи, слушай мою команду! Разоружить автоматчиков!

А чего мелочиться, в самом-то деле?

Миг – и многое сделано. Это без точной команды статуи слоняются без толку и не знают, чем бы себя занять. А стоит сигналу прийти, действуют быстро. Только один из подвергшихся нападению конвоиров успел снять с предохранителя свою скорострельную пушку. Но и его чуть позже монументальная девушка-спортсменка так приголубила веслом по макушке, что автоматная очередь целиком ушла в небесное молоко.

Грузчики отступили к забору. Насчет них распоряжения не было. Ладно, нам не до них. Остался еще начальник в

палатке. Наглый, жирный, кудрявый. Стоило нашим к нему зайти и ткнуть в лицо автоматом, он завизжал, как свинья недорезанная, и стал умолять:

– Не стреляйте!

Подмывало сделать наоборот. Но я посмотрел в его кудрявую харю и убедился: он, Алексей Булыгин. Только чуток состарился и разжирел. Ну не странное ли совпадение – этот новый привет из детства?

Надо быть осторожнее, понял я. Как и с солнышком из-за туч. Кажется, в этом мире моего много. Не один лишь взвод гипсовых статуй.

Космос парусов и крыльев

Ольга Рэйн Охота на Бармаглота

Мериться Тристан предложил, у меня бы на такое дурости не хватило, а он шепотной. Всех подбил, даже Микаэля, уж тот на что спокойный да скромный — но встал вместе с нами на силовой стене, где камеры не смотрят.

Солнце, наша Медуза, тускло-розовая перед закатом, уже пряталась между двух конусообразных гор на горизонте — Тристан называл их Сиськи, правая больше левой. Он говорил, что у женщин так часто бывает, я надеялся когда-нибудь удостовериться и очень любопытствовал, какие же женщины (во множественном числе) просвещали Тристана.

— При любой свободе нравов главное — прийти по нраву, — так говорил Сергей Васильевич Фокин, второй помощник экспедиции, а теперь — советник временной колонии и наш наставник. Сам он, хоть еще и нестарый, крепкий и похожий на писателя Хемингуэя с портрета в библиотеке, не особенно пользовался «свободой нравов» — я видел, как он подолгу сидит у обелиска Непроснувшимся, прижимая руку к холодному пористому камню, а лицо у него при

этом такое, что мне смотреть неудобно делалось. Будто душа нагая показывалась, незащитная, мягкая, не умеющая сама согреться.

— Не зевайте, расстегивайте и доставайте, — поторопил Тристан, смеясь.

Мы все пятеро достали, показали друг другу, немного смущаясь, но глядя цепко — не каждый день доводится посмотреть, сравнить, подумать. Микаэль последним достал, у него самый длинный оказался, Тристан даже присвистнул, разглядывая.

— У меня зато толще, — засмеялся.

Ну тут и начались всякие шутки про это самое, с неандертальских времен всем человеческим самцам приятно думать, что у них там внизу большое, как у мамонта, крепче скалы и всегда готово к бою. Хотя про это-то чего шутить, оно, как и все остальное, у нас абсолютно одинаковое, разве что по малолетству у кого поменьше. У Эрика и Эйдена, например, но я, конечно, не заглядывал.

Но к восемнадцати годам, к мод'обраху, мы все уже одинаковые, волосок к волоску. С родинкой на большом пальце левой руки — удобно право-лево различать. С щелью между передними зубами, отчего улыбка выглядит особенно искренней и чуть детской. Кареглазые, темноволосые, чуть полноватые, пожалуй, такая уж генетическая конституция, когда к концу отрочества щенячий жирок набирается, а по-

сле двадцати сходит, оставляя крепкие жилы, хорошие мышцы. Только мало кому из нас доводится дожить до двадцати, так что...

— А Дилиона не позвали? — спросил Микаэль, как будто только что заметил, что кого-то не хватает. Мог бы уже и привыкнуть. Все помолчали, глаза отводя. Я первым свой гемосталь обратно в чехол вправил, ремешком перехватил у локтя, рукав застегнул.

— Он бы сюда на стену не поднялся, — сказал. — Да и не захотел бы. Тащить его, что ли?

— У него больше нету гемки, ему сняли, — тихо сказал Эрик. Или Эйден? Илонка их одинаково одевает, нашивки бы что ли сделала с именами, чтобы различать можно было. Или с эмблемками — нех там, или снарк, или из земной фауны чего.

Я ей такое посоветовал как-то раз, она прищурилась, потом потянулась, потрепала меня по голове. Я все не мог решить — снисходительно потрепала, как ребенка? Как близнеца своих близнецов? Или как симпатичного юношу на голову себя выше, который уже бреется? Часто, каждую неделю!

И тут я вдруг понял, что мальчишка сказал. Что у Дилиона теперь нет гемосталья.

— Как нету? С каких пор? Сняли? Что значит, для него не будет мод'обраха? — Мы одновременно заговорили оди-

наковыми голосами. Мой дал предательского петуха на «как же так», я смутился, но никто вроде не заметил.

— Ну понятно, зачем ему теперь? — вздохнул Микаэль.
— Если любой чих и пук — прямая дорога к микромутациям... Со сломанным-то позвоночником Ядро его изжарит на раз-два-три, это и без гемки ясно. Чего зря кровь отворять...

И мы все чуть вздрогнули от совпавшего с этими словами привычного укола в плечо — гемосталь взял каплю крови, как делал это каждые четыре часа всю нашу жизнь, машинка выпарила, нарастила микронный слой на генетический ключ, растущий вместе с нами. В конце Лета, прежде чем запереться в корабле и начать Зиму, мы проведем мод'обрах — активируем Ядро, управление которым замкнуто на мертвого капитана Томилина, и попытаемся к нему подключиться.

Наверное, мне стоит говорить «они», а не «мы», потому что в каждую такую попытку Ядро сжигает не только весь оставшийся заряд батарей, но и одного из нас, клонов Томилина. Иногда двоих, если кто вторым сам вызовется и по возрасту подходит. Мой старший брат Броган четыре года назад пытался стать третьим, что было с его стороны безумной смелостью — лезть в Ядро после того, как оно только что изжарило мозги двум подряд таким, как ты. Но ему тогда мапа не дал — до сих пор помню, как он рычал, в него вцепившись, будто сквозь отстраненную маску прорвалось древнее, бешеное отчаяние волчицы, у которой щенка уби-

вать собрались.

— Ну Женя, ну успокойся, — говорил мапе Фокин, держа за плечи. — Ну уколи себе что-нибудь, ты же сама врач-биолог. Солнышко мое хорошее, ну ты же знаешь, зачем мы это делаем... А ну успокойся, сказал! Есть же гемосталь — хоть какая-то отбраковка, чтоб совсем зря пацанов не губить... Броган, хочешь прямо сейчас, пока Ядро горячее, генетический ключ проверим, ну? «Как закалялась гемосталь»?

Броган тогда посмотрел на мапу, бледного, дрожащего, и головой покачал.

— Нет, — сказал, — спасибо, Сергей Васильевич. Я уж дождусь, когда моя очередь придет. Если гемка сейчас покраснеет, это ему... нам отравит оставшееся время вместе. Пусть уж будет... ну, надежда.

— На хрен такую надежду, — сказал мапа, резко дернув головой. — Надежду, в которой мы жжем своих детей, как спички. И они гаснут, гаснут...

— Женя... — начал опять Фокин твердо и с нажимом, но тут же лицо его дрогнуло, исказилось, горло перехватило. — Мы жжем спички... потому что нам нужно выжить. Если не добудем огня, то мы все, все замерзнем... Иди, Броган, домой. Мод'обрах закончен. Впереди Зима.

В тот последний год с Броганом мапа был очень молчаливым и мало улыбался. Зимой, в корабле, работы немного — проверки систем, уборки, то, что раньше называлось «дра-

ить палубу». Мапа дежурил по медблоку три дня в неделю, а вечерами дома мы играли в настольные игры, болтали. Мапа нам много рассказывал о Земле, о том, как в поясе Койпера были открыты пространственные тоннели — «уши Господа», через них можно было проходить в другие части Вселенной, не используя околосветовых скоростей, которых живая материя не выдерживает.

— Экспансия за пределы Солнечной системы вдруг стала возможной. Я записался сразу, как только возрастом вышел, с шестнадцати лет можно было. Тогда я еще не очень себя понимал, но годы шли, смеркалось, как говорится... К двадцати трем годам понял окончательно, что я — не женщина, а мужчина в женском теле, так бывает. Но тут выбор встал — садиться на гормоны и делать операцию, или лететь в экспедицию. Выбирать, какая мечта для меня важнее. Думал — ну полечу, рожать же меня никто не заставит... На тот момент, так как активной колонизации не было, а в анабиоз просто так ложиться желающих как-то не находилось, исследований не было о его влиянии на фертильность. Не знали, что шестьдесят процентов женщин, засыпающих больше чем на год, становятся стерильны...

— То есть ты жалеешь, что тебе пришлось... ну, нас родить? — спросил тогда Брган, и его голос дал скрипучего петуха, а я рассмеялся, чтобы скрыть страх ожидания ответа. Мапино лицо дрогнуло, он схватил нас за плечи и больно сжал.

— Нет, — сказал он, приблизив лицо к моему, потом к лицу Брогана, смотрел нам в глаза, будто завязывая узлы между душами. — Нет, — говорил он снова и снова, — нет, нет, нет, — пока мы все трое не разревелись, как дураки. Мапа прижал нас к своим плечам, гладил по волосам и рассказывал про полет, как Земля становилась вдали синим шариком, как менялись вокруг звезды и Солнце становилось все меньше, как он сам спал и просыпался. Цикличность холодного анабиоза подводит сознание к поверхности, повышает температуру, напоминает жизни, что та продолжается, потом опять уводит вглубь, в ледяную темноту, где медленно проплывают образы глубоководных снов, тени памяти, отброшенные на генетическую решетку сотнями тысяч поколений тех, кто смотрел на небо, добывал и ел земные плоды и давал предметам имена...

В конце следующего цикла гемосталь Брогана остался красным, не пожелтел в первичном анализаторе. Это означало, что количество микромутаций не превышало порог Терехова и Ядро могло принять Брогана, вернуть контроль над кораблем, позволить нам наконец улететь с Лепуса. Я очень любил брата. Он умер не сразу после мод'обраха, а прожил еще шестнадцать часов одиннадцать минут, хотя был ли мой брат все еще внутри этого страдающего, искореженного напряжением тела, я не знал.

Мапа принес домой пепел Брогана, спрессованный в се-

ребристый кирпич размером с ладонь, сверху в него был вплавлен кристалл гемосталья, а по периметру было написано «et iterum fugere», «снова полечу» на латыни.

Мапа положил металлический блок на стол между нами, мы смотрели на него и молчали. Во мне будто проломили черную дыру размером с этот кирпич, края ее ломило, а изнутри сочился ледяной холод. Я смотрел на навсегда покрасневший, оплавленный по краям гемосталь и думал, что через два года придет и мой черед ложиться в гнездо управления Ядром, чувствовать, как на голове и вдоль спины закрепляют контакты, ждать пока на них подадут напряжение и думать о том, как здесь умирал в момент крушения корабля первый Томилин — капитан, с костей которого потом соскоблили достаточно генетического материала, чтобы родились мы, и горели тут снова и снова...

Мы молчали, все пятеро на силовой стене, держащей купол поля. И уходили оттуда вместе, хотелось даже взяться за руки — плоть к плоти.

– Надо бы Дилиона навестить... — сказал Микаэль, мы все сейчас об этом думали. — Каково ему сейчас-то? Лежит, под себя срет, да? Дей, чего твоя мапа говорит-то — он вообще никогда ходить не сможет? Совсем? Чего он, болван, полез на ту скалу-то?

– Несчастный случай же. Конец сезона, скоро большая охота, он в разведку вызвался.

— А под скалой было гнездо снарка... Дилион арбалет взвел, за стрелой потянулся и не удержался. А вниз там почти четыре метра...

— Упал прямо на снарка, в которого стрелять собирался. Спину переломал и ему и себе. Килограммов сто туша, потому и едим мясное так рано в этом году.

— Ну хоть так, — через силу засмеялся Микаэль. — Хоть такая польза...

— Мы домой, — сказали Эрик и Эйден. — Мама борща наварила. Дей, она тебя велела на обед зазвать. Пойдешь?

Я должен был пойти к Дилиону, я знал, что должен — как друг, как брат, как товарищ. Чувствовал, что ему, моему другу, другому варианту моего «я» нужно, чтобы я пришел, пошутил с ним, рассказал о похождениях Тристана, о том, как охота еще не прошла, а везде уже готовят еду из добытого им снарка...

Но я хотел увидеть Илонку и пошел есть борщ, хотя и голоден-то не был.

Илонка — особенная. Она родилась, когда корабль проходил в Ухо Господа, ее первый вдох совпал с входом в серое ничто. Три месяца межпространственного туннеля, потом десять лет космического полета — единственный ребенок, маленькая неспящая фея среди полутора тысяч меняющих фазы сна и бодрствования колонистов и экипажа. Говорят, ее очень любил капитан Томилини — катал на плечах по

гулким металлическим коридорам, учил читать, сочинял ей смешные детские стишки.

«Как у солнышка Медузы наедемся кукурузы, распакуем наши грузы и айда стирать рейтузы» — Илонка мне показывала листочки, исписанные моим же почерком, с картинками редкого безобразия, я тоже так рисую. Горы, домики, солнышко в небе, по цветочкам скачет лысая девочка с бантиком, предположительно сама Илонка.

Ее мать погибла при крушении, отец остался на Земле, она никогда его не знала. Илонка не ложилась в анабиоз и вызвалась рожать клонов Томилина, как только достигла «возраста зрелости». Родились сразу двое — близнецовое пополнение к нашему жертвенному отряду.

Глаза у Илонки серые, как небо Лепуса. Все космические объекты этой системы называются латинскими именами земных животных. Звезда — Медуза. Третья планета, к которой мы летели, — Лебедь, или Олор, а пятая, на которой корабль разбился — Заяц, или Лепус. Фокин говорил «ляпус».

«Ляпус вышел-с. — Он смеялся усталым невеселым смехом. — В лебедя целили, а сели на зайца. Летать собирались, а тут и не побегаешь особенно. Держи курс на систему Медузы... Короче, ребятки, «населена роботами»...»

Жалко, что этого рисованного фильма в нашей фильмотеке не было, я бы посмотрел.

– Единственное наше везение, в том, что мы «сели» (а подразумеваю я, конечно, «рухнули») на дневную сторону

Зайца. И что он такой неповоротливый, мы уже двадцать два цикла прожили, а Ляпус наш еще и полоборота по своей оси не сделал, у него длиннющий период вращения. Благодаря этому мы заряжаем батареи, по несколько месяцев держим поле и земную атмосферу, чтобы жить на поверхности, выращивать еду, и... — он обводил нас прищуренными глазами, — вас, ребятки. Чтобы попытаться отсюда соскочить...

— А что будет, если ночь наступит?

— Не если, а когда, Эйден. Что значит «если»? Планета вертится, круглая, круглая...

(Такой фильм у нас был, мы его часто смотрели и смеялись.)

— Через восемнадцать наших циклов, двести тридцать земных месяцев, Ляпус повернется и нас накроет ночь. Глубокая, вечная ночь. Рассвета никто не увидит. Если до тех пор никто из вас, ребятки, не полюбит Ядру... То вместе с ночью придет песец.

Песец оказался красивым земным зверьком, небольшим и «хорошо социализующимся» — я тогда посмотрел в вике. В генотеке у нас была такая закладка, мне ужасно захотелось себе маленького песца. Я ныл и упрашивал мапу целых две недели, что было рекордом, так как обычно он сдавался дня за три-четыре.

— Его нужно будет неделями по часам кормить теплым молоком из пипетки, потом из бутылочки. По несколько раз за

ночь. Забудешь — он умрет. Ты готов к такой ответственности, Дей?

— Ну если учесть, что через два года у меня будет мод'об-
рах, и если меня не сожжет Ядро, то на мне будут колония,
корабль и межпланетный перелет, то с ответственностью за
зверушку я, наверное, справлюсь?

У мапы стало такое лицо, будто я его ударил. Это было
через полгода после смерти Брогана, мы перезимовали в ко-
рабле — без брата — и жили в летнем домике, под куполом
силового поля, под серым высоким небом. Мапа отодвинул
тарелку с рагу из неха и ушел, опрокинув стул и не остано-
вившись поднять. Я доел, с каждой ложкой все меньше на-
слаждаясь своей моральной победой. Через час пошел ис-
кать мапу.

— Ну ты и болван, Дей, — сказала мне тогда Илонка.
— Жестокий ребенок, а ведь не маленький уже, четырнад-
цать скоро...

Мапу мы так и не нашли, но ночью он вернулся, лег ря-
дом, обнял меня. Я сразу согрелся и успокоился, как всегда
в его присутствии. Утром я проснулся первым и увидел на
мапиных щеках засохшие дорожки от слез.

Через пару месяцев мапа принес мне в корзинке щенка
песца — голого, розового и жалкого.

— Может не выжить, — предупредил он. — Искусствен-
ные утробы ненадежны, в них мясо только можно синтезиро-

вать. На Лебеде-то есть млекопитающие, мы собирались их использовать для репродукции скота, земных животных... А тут, на Лепусе, млекопитающих нет.

— А как же нехи и снарки?

Мапа сказал, что нехи — яйцекладущие, а способ размножения снарков не имеет земных аналогов. Все особи были двуполыми, спариваясь то так, то эдак, оплодотворяли три-четыре зиготы, но не рожали детенышей, а умирали, когда те были уже жизнеспособными внутри. Юные снарки изнутри поедали разлагающееся тело матери и вылезали на свет толстыми, откормленными, готовыми к приключениям. Потом, кажется, ели только растительную пищу. Впрочем, фауна Лепуса была скрытной и немногочисленной, и о снарках мы знали мало, кроме вкуса их мяса.

— А почему они называются снарки, мапа? — спрашивал я, когда был еще маленьким и любознательным.

— Потому что нехов первыми нашли и назвали, — непонятно ответил мапа. — Не называть же было второй встреченный вид «нехи-два», и так далее. И ты же понимаешь, что это прозвища, на самом деле мы дали животным и растениям приличные латинские названия, занесли в базы данных, скомпоновали отчеты на Землю... Еще лет двадцать, и они их получают, вместе с информацией о том, что с нами случилось. Потом еще сорок — и мы узнаем их мнение о наших злоключениях...

— Дей, Дей, чего спишь? — Илонка потрепала меня по волосам, была у нее такая привычка. Песец Васька, которого я ей подарил, когда выкормил, сидел в углу, мрачно рассматривал кусок мяса из борща, на меня не смотрел, как неродной.

— Не сплю... думаю. Ну как о чем? Не о чем, что ли?

Она прикусила губу, потянулась за солью.

— Ешь давай, — сказала.

В поисках безопасного предмета для разговора я взял с полочки первое, что попало под руку — это оказалась разбитая когда-то и склеенная статуэтка Девы Марии.

— Зачем ты ее хранишь? — спросил я, повертев безделушку в руках. Богородица смотрела печально, трещина змеилась поперек ее лица, как страшный шрам. — Почему новую не напечатаете? В вещетеке же есть, я на той неделе искал заглушку для арбалета, видел почти такую же.

— Доели? Идите математику порешайте полчасика, я потом проверю, — сказала Илонка своим близнецам. Повернулась ко мне. — Потому что вещи помнят, Дей. Сам материал помнит тепло наших рук, то, что мы чувствуем. Она, вот эта Мария, помнит, как ее поднимала и прижимала к губам моя прапрабабушка в послевоенной Варшаве... и другие после нее.

— И как ты ее разбила, тоже будет помнить?

Илонка посмотрела на трещину на безмятежном лице, ниже, поперек плеча, где откололась рука.

— Да, теперь уже не забудет, — сказала она тихо. — Но она понимает и почему я ее об стенку швырнула. Как раз она и понимает, каково это, растить детей в жертву для спасения мира...

Я доедал борщ с усилием, будто лез на высокую скалу. Торопливо попрощался и ушел.

Наученный горьким прошлогодним опытом, я записался на охоту заранее — желающих всегда было много, побегать-размяться перед месяцами взаперти. Наш жизненный цикл стабилен — девять земных месяцев мы живем на поверхности, под силовым полем, растим урожай, иногда охотимся понемножку. Потом у нас случается большая Охота, заготовка мяса на Зиму. Лето кончается мод'обрахом.

Говорят, наши неразвитые языческие предки раз в год топили в реке самую красивую девушку, отдавая лучшее богам в уплату за будущие снисхождения, хорошую погоду и прочие радости. И вот на другом конце Вселенной тысячи лет спустя высокоразвитые мы делаем примерно то же. В этом году роль жертвенной красавицы ожидает Тристана, в следующем — меня.

Попытка активации Ядра сжигает все, что осталось от нашего запаса энергии, мы запираемся в корабле. Батареи заряжаются, поле отключается, дикие снарки бродят среди наших заброшенных огородов и задумчиво нюхают остатки морковной ботвы. Получается цикл, почти как год на Земле.

Тринадцать месяцев, в каждом по тридцать дней, двадцать четыре часа, шестьдесят минут, шестьдесят секунд, а секунда — стук спокойного сердца. В тридцати пяти световых годах от Земли мы, даже те, кто никогда ее не видел, по-прежнему отмеряем время биением своих земных сердец.

Наружу мы выходим, конечно, но только в скафандрах — на Лепусе шестьдесят процентов атмосферного кислорода, если дышать без фильтрации, через несколько минут начинается отравление, судороги, тошнота, путаница в голове. Несколько лет назад на охоте крупный нех приложил об острый камень нашего геолога, Палыча, скафандр порвался от уха до пупа. Хороший был мужик, крепкий, а подышал воздухом Лепуса минут двадцать, пока его искали, после интоксикации так в себя и не пришел. Ослеп, дергаться начал, слова забывать, а еще через пару месяцев и повесился у себя дома на стропе.

Из-за кислорода мы и охотимся примитивно, почти как наши предки в каменном веке — стрелы, арбалеты из пластика и резины, ничего металлического, ничего возгорающегося.

Пока я стоял в душе, думал об Илонке — что она с детства любила Томилина — сначала как отца, потом наверное в фантазиях, как мужчину, а родив Эрика и Эйдена, полюбила как мать — столько всяких подсознательных мотивов понамешано, сплошная каша из древнегреческих героев и тра-

гедий. Тут мои мысли приняли такое направление, что воду пришлось похолоднее сделать, а потом и вовсе ледяную. Чтобы не думать об Илонке, я старался думать, например, о льющейся на меня воде. У колонии ее всегда было в достатке, хотя на Лепусе жидкой воды в природе и не встречалось, ни озер, ни рек. Местные животные не пили, а синтезировали воду прямо в теле, у них был специальный орган под легкими, вроде водяного пузыря. Для нас же вода была побочным продуктом очистки воздуха до нужных человеку двадцати одного процента, мы брали водород из почвы, получалось хоть залейся. Неплохо вообще-то получалось.

— Ма, — спросил я задумчиво, вытирая полотенцем мокрые волосы, — а почему мы не развиваем колонию здесь, на Лепусе? Почему мы хотим улететь — ведь мы уже здесь, и у нас есть машины для терраформинга? Если мы перестанем выживать и начнем просто жить здесь? Можно же изыскать альтернативные источники энергии, отсидеться в корабле, запустив реакцию в атмосфере, связать излишек кислорода в воду? Потекут реки, можно будет дышать без скафандра...

Мапа поднял на меня глаза от своих записей — он сидел и быстро настукивал что-то на панели стола. Я вдруг заметил, какой он уставший, хотя и красивый. И складка у губ, залегшая еще до смерти Брогана, никуда не исчезла, а только углубилась.

— Ну во-первых, есть и такая партия, — сказал он, поправив очки. — Странно, что Фокин вам до сих пор не расска-

зал, но есть такие настроения в нашей среде. Что лучше Заяц под ногами, раз уж мы поневоле тут, чем Лебедь, до которого еще полгода лететь на чиненом-перечиненом корабле, входить в атмосферу, приземляться, там очень много неизвестных. Сережа вас оберегает, наверное, не дает блуждать юным умам — сам он твердый сторонник того, что надо улетать, Лепус ему неприятен.

— А тебе?

— А меня смущает во-вторых. Оно в том, что если мы вмешаемся в баланс планеты, то убьем все местные виды, которые приспособлены к этой атмосфере — просто отнимем у них среду обитания. Это вымирание. И как биолог, я считаю это преступлением.

— А как человек?

— Как человек, — вздохнул мапа и потер свою коротко стриженную голову, словно хотел ухватить и потянуть за прядь давно срезанных светлых волос, — как человек... не знаю. Как женщина, я хочу, чтобы жили и были счастливы мои дети и внуки. Как мужчина я хочу, чтобы они были сильны, свободны и в безопасности... И когда я начинаю думать так, мне становится наплевать на вымирание снарков и иже с ними, потому что мы уже здесь, сынок. И наша нужда велика... Но тут вступает в игру «в-третьих». Оно в том, что для терраформирования нам в любом случае нужен доступ к Ядру. Без него мы не улетим и не останемся. Лепус переварит нас в темноте своей ночи...

Для охоты нас разбили на тройки и четверки — мы стояли толпой, возбужденно переговариваясь, а Фокин ходил со списками и если кто заранее не записался, то сам назначал, с кем. Я очень хотел охотиться с Илонкой, но записать так постеснялся. Надеялся на чудо.

Я пробирался сквозь толпу к Илонке поближе, но она уже стояла и с кем-то разговаривала — чуть выше меня, плечистый, темные волосы стильно выбриты полосками, я тоже так хотел уже давно, но мапа не разрешал «оболваниться». Я уже передумал и собрался назад повернуть, но тут Илонка меня заметила.

– Дей!

Незнакомец обернулся, и у меня внутри будто молния полыхнула от того, что я смотрел в собственное лицо, только старше лет на пять. Конечно, я его знал — это был Виллем, из второго поколения Томилиных, один из троих выживших нас. Его не стали подключать к Ядру, потому что гемосталь его остался желтым, что означало девяностопроцентную вероятность того, что Ядро его точно не примет. Если гемосталь краснел — а в большинстве случаев он краснел — то порог микромутаций, которые накапливаются по мере жизни и взросления любого организма, был ниже семидесяти процентов, и был смысл пробовать. Говорят, были и такие, кто считал, что нечего с гемостальями рассусоливать — если тебя с определенной целью родили и вырастили, то

нечего тут шансы считать, а полезай в печку в любом случае. Говорят, мапа с такими говорящими дважды дрался страшно, еле оттаскивали, и именно так потерял один из нижних клыков — выбили, но сам он оппонентов еще сильнее разукрасил.

Виллем на меня взглянул, и тут же ему кровь в лицо бросилась, глаза отвел. На щеках у него были татуировки, что-то кельтское, и они от румянца сильно побагровели.

– Привет, Дей, — сказал он, так в глаза мне и не глядя. Я смотреть не хотел, а смотрел жадно, потому что мне-то вряд ли таким стать доведется. Сильным, красивым и выше Илонки. Виллем потупился, и я вдруг понял — ему передо мною стыдно, что он выжил. Его, получается, вывели из пещеры огненной, а остальных он там бросил. Поэтому он нас и избегал изо всех сил, старался не пересекаться. Я представил, что бы я сам чувствовал на мод'обрахе, если бы мой еще теплый, только что снятый с плеча гемосталь не изменил цвет...

– Виллем, — начал я, но тут нас перебил подоспевший вездесущий Фокин.

– Так, Илонка, ты с Машенькой и... вот парня с вами отправим, мы, мужики, не хуже, не такие уж бесполезные...

Я с надеждой шагнул вперед, но он уже хлопнул Виллема по плечу, подмигнул девушкам.

– Дей, а ты со мной пойдешь, — сказал он бодро. — Будешь за стариком присматривать, да?

Он нетерпеливо щелкнул пальцами, я вздохнул и подчи-

нился. Все группы вышли за контур поля и разбрелись по куцам джунглям, покрывавшим каменное плато вблизи корабля.

— Ты, Дей, это... Поближе ко мне держись, — сказал Фокин, щурясь на Медузу, та стояла высоко в небе, и свет ее казался синеватым, отражаясь от гладких деревьев. — Для пущей безопасности, понимаешь?

Я понимал. Конечно, я не сомневался, что Сергей Васильевич искренне переживает за каждого члена колонии, включая своих политических оппонентов. Но колония уже и так потеряла в этом году в лице Дилиона один из своих возможных билетиков с этой неприятной планеты на другую, хорошую, с молочными реками, кисельными берегами и приветливыми большеглазыми млекопитающими.

Мы с Сергеем Васильевичем шли больше получаса, прежде чем нам попался первый снарк. Мы молча, стараясь двигаться совершенно бесшумно, взвели арбалеты, но снарк вел себя странно — убегать и не думал, крутился на месте, кряхтел, а потом вдруг задрал огромную голову к небу и закричал так страшно, что я чуть арбалет не выронил. Фокин мне жестом показал, что подойти поближе надо, разобраться. Снарк лежал на боку, его крупная туша казалась странно раздутой, брюхо ходуном ходило.

— Ох, — сказал Фокин, морщась под маской скафандра. — Кажется, сейчас мы получим неповторимый опыт животного мира Лепуса... Мне рассказывали, но сам я никогда...

Кожа мертвого снарка разошлась с хлопком и наружу в потеках отвратительно пахнущей жидкости полезли маленькие снарки — розовые, ушастые, шестипапы, похожие на длинноухих бегемотов.

Меня чуть не вырвало, что в скафандре было бы катастрофой, я справился, но тут Фокин с возгласом отвращения отпрыгнул от новорожденного снарка, запнулся о камень, упал, перекувыркнулся через голову и замер.

— Сергей Василеч... — Я его звал, а он все лежал не двигаясь, только веки дрожали, будто перед ним мелькали образы и люди, и он все на них насмотреться не мог. А в себя пришел — и так выругался, что мой особый словарный запас сразу процентов на двадцать обогатился. В общих чертах он высказался по поводу того, что у него нога, кажется, сломана, охота не задалась, и не буду ли я любезен оттащить его обратно к кораблю? Я стал любезен, хотя не смог отказать себе в сарказме по поводу того, как мне теперь не грозит страшная участь чего-нибудь себе повредить и выпасть из числа счастливцев, которых сожжет Ядро. Сказал — и сразу испугался, что палку перегнул. А Фокин молчал долго, а потом кричать на меня начал.

— Мне, думаешь, легко с вами, обормотами? Учить вас, любить вас, смотреть, как вы умираете с пеной у рта? Хоронить вас? Снова и снова хоронить своего лучшего друга, Вовку Томилина, с которым мы тридцать лет душа в душу... По которому я тоскую почти как по Машеньке моей?

— Если мы — такая ценность, — я гнул свое, — чего же вы нас не выращиваете в обитых изоляцией комнатах, подавая перетертую еду, чтобы не подавиться?

— Ты что, еще не понял, мальчишка? Когда Ядро примет тебя... или не тебя, а твоего брата, этого, следующего, маленького еще, или даже еще не родившегося — когда-нибудь примет, иначе в жизни и судьбе нет вообще никакого смысла, я в это поверить не могу... Когда оно тебя примет — ты станешь нашим богом. У тебя будет доступ ко всем ресурсам корабля, экспедиции, планеты. И власть — лететь или бежать, переместить корабль на дневную сторону, запустить терраформинг, или свалить с этого чертова Ляпуса к чертовой матери? Понимаешь? Один из вас станет богом — а никому не нужен злой маленький бог, воспитанный в ватном облаке, не знающий человеческих чувств. Бог, не умеющий любить. Поэтому вы — наши дети. Мы не строгаем вас на верстаке, не запрещаем вам ничего, чего не запрещают детям родители. Мы воспитываем вас в любви. И ответственности. Воспитываем вас людьми, чтобы вы ими и остались — при любом раскладе. Иначе я бы не поступил с Вовкой моим... Иначе я бы на все это не согласился...

После этого я его долго молча ташил. Каждый раз вопрос в голову приходил, и тут же на него ответ вспоминался, и казалось, будто в голове у меня сидит маленький Фокин и со мною все время разговаривает и все мне объясняет. Например — как же вообще так получилось-то, что весь ко-

рабль и ресурсы экспедиции на полторы тыщи человек оказались замкнуты на одного-единственного капитана? «А как вообще всякие техногенные несчастья случаются? — говорил маленький Фокин-из-головы, как объяснял нам лет пять назад в классе, — по совокупности маловероятных событий, когда кубики раз за разом на ребро становятся — двигатели, гравитация, планеты, а потом какой-то самоуверенный дурак блокирует ИИ, переводит весь контроль на себя, будто бы он в игру играет, будто бы он бессмертный. Ну и собственно только поэтому упомянутые полторы тыщи человек не сгорают в атмосфере в рассыпающемся на куски корабле, а худо-бедно садятся уж куда вышло. И живут, живут себе дальше».

— Сергей Васильевич, — сказал я наконец, — а мне вот никогда в голову не приходило спросить, а любопытно... Почему у всех русские имена, ну украинские еще, польские, узбекские, а у нас такие странные?

— Это кельтские имена, Дей. Чтобы вас... ну, обозначить, дать вам что-то общее. У Вовки был позывной «викинг», он вообще увлекался культурой, мифологией. На мечях биться умел. Ну так, на уровне ролевигов. Татуировок кельтских себе понабил везде, разве что не на жопе... а может и там, я не заглядывал...

Нога у Фокина сильно болела, он сквозь зубы говорил. Я присел отдохнуть. Жарко было в скафандре — мы с них все лишнее снимали, чтобы налегке, термоконтроля никако-

го. Обычно в космосе или на планетах без атмосферы главный страх — что кислород кончится, задохнешься. Здесь же такого нет — знай себе лишнее отфильтровывай. Вот ведь кислород — без него никак, а слишком много — и еще более неприятная смерть...

Я огляделся и вдруг понял, куда забрел — мы были точнехонько у скалы, где полтора месяца назад разбился Дилион — он мне ее тогда описал как «три каменных пальца смотрят вверх». Три каменных отростка и вправду были похожи на тонкую трехпалую руку.

– Ну, отдохнул? — спросил Фокин нетерпеливо.

– Подождите-ка, Сергей Васильч, — сказал я медленно. — Это здесь Дилион... Он мне говорил, что тут, под скалой, он почувствовал, что есть... ну, «что-то».

– У всех у нас есть «что-то», — устало огрызнулся Фокин. — Мне бы сейчас свое «что-то» твоей маме показать, Евгении Ивановне, а?

– Маме, — машинально поправил я, чувствуя внутри странную отстраненность, будто между мною и Фокиным, да и всем миром, натягивалась тонкая прозрачная пленка, холодная на ощупь. Я лег на живот и подполз к краю скалы, ожидая увидеть там — ну не знаю — черную дыру в пространстве например. Но подо мною просто уходил вниз желто-серый утес, а под ним росли неприятного вида колючки. Ничего интересного не было, но я продолжал смот-

реть и ждать, не обращая внимания на недовольное «бубубу» Сергея Васильевича издалека. Скала под нами дрогнула раз, другой, но не угрожающе, как при землетрясении, а ровно, мягко, будто забилося огромное сердце.

Я сел и отполз от края. И из-под скалы медленно поднялось необыкновенное существо — он был огромный, фиолетовый, с гибким длинным телом, с крыльями цвета неба. Восемь пар желтых глаз смотрели на нас.

— Вы его видите, Сергей Васильевич? — спросил я медленно.

— Вижу, — сказал Фокин сдавленным голосом. — Ох, какой... А мы за столько лет ни разу... А мама твоя говорила, что надо на исследовательские экспедиции ресурс... Вот это новый вид! Как мы его...

— Бармаглот, — сказал я. — Если есть снарки, должен быть и Бармаглот...

— Вот зубищи... Осторожнее!

Фокин закричал, когда Бармаглот, перевернувшись в воздухе фиолетовым вихрем, вдруг бросился ко мне и острым когтем на краю крыла распорол мне скафандр вместе с кожей — от бедра до горла. Чистый, нефильтрованный воздух Лепуса пах озоном, корицей и моей кровью.

— Не дыши, Дей! — в панике крикнул Фокин. Я засмеялся от нелепости предложения. Как же не дышать? Бармаглот больше не нападал — парил у края скалы прямо перед нами, внимательно смотрел на меня всеми своими глазами.

Я дышал жадно, не мог удержаться, в голове у меня поплыло, глаза его казались желтыми звездами — я мысленно стал проводить линии, соединяя точки. Получалась фигура, похожая на песочные часы. Бармаглот моргнул тремя глазами из восьми, потом всеми, потом одним — и каким-то образом я его понял.

— Не надо, — сказал я и пинком вышиб у Фокина из рук взведенный на существо арбалет.

Бармаглот позвал меня — и я шагнул, протянув вперед дрожащую руку. Мне показалось — я падаю со скалы, но на самом деле я просто выпал из своего тела — и попал в него, в Бармаглота, внутри он был фиолетовым и прохладным, и спокойным, и я его понимал, как себя самого. Он хотел мне что-то показать, что-то важное. Не для него, для меня. Мы быстро полетели обратно, к кораблю, и я увидел его сверху — огромное, частично вросшее в землю металлическое яйцо. Сквозь грунт, слежавшийся от исполинского веса, мы нырнули в пустоту под ним, в гигантскую пещеру с каменным потолком, идущим трещинами от веса корабля. В абсолютной темноте глазами Бармаглота я видел километры пустоты между потолком и дном пещеры, видел, как трещины углубляются и расширяются, не быстро, но неостановимо. Что случится, когда все мы рухнем во внутренности Лепуса — без защиты воздушных подушек и силовых щитов, в облаке каменного крошева и пыли? Сколько из нас переживут удар? Смогут вылезти обратно на поверхность? Продер-

жаться в живых без синтезаторов воды, сумеют починить оборванные соединения батарей? Я в ужасе метался по огромной пещере. Было очень холодно. Потом вдруг стало жарко и светло, потом горячо и тяжело, потом никак, темно, всё.

— Дей, — звал меня мапа. — Дей...

Илонка клала на лоб прохладную руку.

— Давай, просыпайся уже, — сказала она. — Спящий принц...

Потом она наклонилась — от нее пахло хлебом и цветами, — потрепала меня по волосам и сухо, быстро поцеловала в губы. Ушла.

Как полагается по сказочным законам, после этого я почти сразу проснулся. Было очень темно, я открыл глаза, но ничего не увидел.

— Ты очнулся! — Мапа бросился ко мне, я узнал его запах, его руки.

— Где мы? — спросил я. — Что случилось?

— Фокин накрыл тебя своим телом и выстрелил в воздух из лучевого... Возгорание, взрыв, трава вокруг вспыхнула, вас быстро нашли, ты выжил, сынок, выжил, теперь все будет хорошо...

— Что с Сергеем Васильевичем?

— Обгорел, едва живой, — сказал мапа и заплакал. — Кожу наращивать слишком больно, я его положила пока в холодный анабиоз... Он не возражал... Что же мы теперь делать будем, сынок?

— Ну, может, свет включим? — предложил я. — Чего мы сидим-то в полной темноте?

Мапа всхлипнул, и тогда я вдруг понял. Я ослеп.

У всех было много работы, для меня никто уже ничего сделать не мог. Мапа старался сдерживаться, но все время плакал. Я попросил, чтобы меня отнесли выздоравливать к Дилиону — он был уже в корабле, его семья зимовала неподалеку от Ядра.

— Отдыхайте, мальчики, — сказала мама Дилиона, Гузаль — высокая, черноглазая, очень красивая, как я помнил. Она поправила мое одеяло. — Мы пойдем мясо разделывать, закатывать на зиму. Пять снарков добыли, маловато, завтра, может, еще одну охоту отправим, недалеко...

Она ушла, дверь закрылась. Шаги удалились по коридору, потом вернулись и дверь щелкнула замком.

— Она нас закрыла снаружи... — засмеялся Дилион. — Чтобы мы с тобой, Дей... не убежали...

Он рассмеялся истерически, до всхлипа. Я сел на кровати, поднялся, по стеночке дошел до двери. И вправду было заперто.

— Если снаружи толкнуть, дверь откроется, — сказал Дилион. — А изнутри — нет. Куда ты собрался, Дей? Тебе есть, куда идти? Ты насовсем ослеп?

— Не знаю, — сказал я. И рассказал ему, что показал мне Бармаглот.

— Ты уверен? — спросил Дилион. — При кислородном отравлении, говорят, очень яркие глюки, делириум, темные ямы сознания.

— Тут все наоборот, — сказал я. — Он, ну этот... Бармаглот, он разумный. И не хочет, чтобы мы все умерли... почему-то, — добавил я, подумав, что на его месте может и предпочел бы, чтобы опасные инопланетяне под воздействием природных сил аккуратно сгнули в недрах планеты. — Но он хотел меня предупредить, поэтому порвал скафандр, понимаешь? Чтобы я отравился и мое сознание изменилось — чтобы он мог мне показать...

— Что показать? Кому тут чего показать? — Дверь открылась, вошли двое, еще двое нас. Микаэль и Тристан. — Мы сбежали со всеобщей увлекательной забавы «разделка пяти центнеров мяса лазерными резаками», чтобы проведать наших страдающих братьев, то есть вас. Вы страдаете?

Тристан говорил бодро, легко, но под веселостью дрожала тревога. Как только закончится заготовка мяса, настанет пора мод'обраха.

— Сядьте-ка, — сказал я. — Я расскажу вам про Бармаглота.

— Я и сам знаю, — сказал Тристан. Или Микаэль? — «О, бойся Бармаглота, сын! Он так свирлеп и дик, а в глуше рымит исполин — Злопастный... ммм?»

— Брандашмыг, — сказал я. И рассказал им про ждущую нас всех завтра, послезавтра или в любой день этой Зимы

смерть. — Остаемся ли мы на Лепусе или летим на Олор — корабль нужно поднять. Сейчас. Сегодня. Вот и все.

— Тебе не поверят, Дей, — сказал Дилион. Его голос был усталым, чуть надтреснутым, так я его отличал. — Если Сергей Васильевич тоже видел этого... Бармаглота, он бы мог тебя поддержать. Подтвердить, что был контакт с ранее неизвестным видом, описать ситуацию. Наверное, можно было бы включить геологический зонд... вместо мод'обраха в этом году.

В тишине я услышал, как прочистил горло Тристан.

— Но Фокин в коме, — продолжил Дилион. — Папа говорил — уже началась мышинная возня за его место в Совете. Игра престольчиков. Никто тебе, Дей, не поверит.

— А вы? — спросил я. — Вы верите?

— Верим, — ответили хором три одинаковых голоса и два детских. Эрик и Эйден?

— Вы откуда взялись?

— Пришли вас проведать. Мама вам хлеба свежего напекла...

— Но взял он меч, и взял он щит, — пробормотал Тристан задумчиво, — высоких полон дум... В глушобу путь его лежит, под дерево тумтум. Все на разделке. Если мы заведем Ядро, закроемся и проведем себе свой маленький частный м... — его голос сорвался, — мод'обрах, у нас будет четыре попытки.

— Шесть, — сказали мальчишки.

— Э-э-э, — протянул Микаэль, но я на ощупь нашел детские плечи, присел рядом, чтобы мои слепые глаза были на уровне их лиц.

— Если у нас не получится, — сказал я, — нужно чтобы кто-то остался. И предупредил... всех.

— Нам не поверят, — упрямо сказали мальчишки. — Вы сами сказали, что никто не поверит.

— Тогда поверят, потому что за вашими словами будут стоять наши смерти, — сказал Микаэль и стало очень тихо, будто бы все перестали дышать. — Смерть придает словам куда больший вес. Только вот что — посидите тут, а? Не выходите. А то по вашим виноватым ромам кто-нибудь непременно догадается, что что-то не так.

Тристан поднял Дилиона, Микаэль обнял меня за плечи.

— Пойдемте, — сказал он. Мы закрыли дверь и двинулись к Ядру.

— Нужно сначала активировать блок питания, — сказал Микаэль через несколько шагов. — Замкнуть контур на Ядро. Снять защиту с терминала. На двоих нам с Тристаном — минут пятнадцать. Подождете?

— Нет, — сказал я. — Мы дойдем до Ядра. Я понесу Дилиона, а он будет мне говорить, куда идти.

Дилион оказался тяжеленным.

— Ну ты и отожрался за полтора месяца, — хмыкнул я, поднимая его.

— Это ты телом и духом ослаб, — отрезал Дилион. — Ша-

гай давай. Раз-два, вперед... Стой... Руку подними, будет стена, по ней иди... Раз-два — чего ты смеешься?

— Раз-два, раз-два, горит трава, — пробормотал я сквозь истерический смех. — Взы-взы — стрижает меч...

— Не взы давай, а иди по стеночке...

Мы вошли в Ядро, я сгрузил Дилиона на пол, обошел маленькую комнату, активируя панели по его указаниям. Мне стало казаться, что я вижу слабый свет, с которым они включались. Я боялся поверить и, закончив, сел в углу рядом с Дилионом.

— Боишься? — спросил меня он тихо.

Я помотал головой. Почему-то страха не было.

— Все готово, — сказали Микаэль и Тристан хором. Они тяжело дышали, и от них пахло пылью и электричеством. — Ну что? Мы правда это делаем? Пути назад нет — Ядро гудит, батареи разряжаются, если мы сейчас отсюда просто выйдем, нас так взгреют, что смерть в Ядре покажется приятным отдыхом...

— Да, — сказал я. — Я — Дей Томилин. Я принимаю свою ответственность. Я рискую по собственной воле.

— Я — Микаэль Томилин. Я понимаю, что случится, если мы ничего не сделаем. И, простите за пафос, но я хочу вернуть людям надежду и цель.

— Я — Тристан Томилин. Я — король пафоса. Я хочу подключиться к Ядру и спасти всех, кого люблю. А их много!

— Я — Дилион Томилин. Я пойду первым.

Мои глаза вдруг сильно заболели, полились слезы. Я все-таки видел свет, слабо, но видел. В свете шевелились тени — две подняли третью, защелкали подключения, Дилион вдруг захихикал.

— Щекотно, — сказал он.

Я чувствовал что-то совсем иное, чем на мод'обрахе — мы были здесь по своей воле, не по чувству долга, не повинуюсь условностям. Мы выбрали эту попытку. Мы пришли сами. Никого больше не было — только я — мы — варианты одной личности — и Ядро.

— Подключайте, — сказал Дилион. — Я готов.

Ядро загудело. Секунды шли — Дилион не кричал. Чем сильнее я плакал, тем лучше видел. Моя футболка была уже мокрой на груди — и мне показалось, что я вижу бледное, сосредоточенное лицо Дилиона — его глаза закрыты под белым колпаком шлема, он улыбается. Броган выглядел точно так же, умирая — но он не улыбался...

— Он что, улыбается? — спросил я, не веря, вытирая горящие глаза подолом футболки.

— Черт меня дери — да, он улыбается! Дилион! Ну как оно там? Мозги кипят? Нет? Чем докажешь? Сделай что-нибудь, что ли?

Гнездо Ядра, в котором лежал Дилион, перевернулось, поднявшись вертикально. Со глухим скрежетом где-то открылись и закрылись заслонки шлюзов. Корабль дрогнул. Закричали люди — то, что слышалось нам тихим шепотом

издалека, было громким криком десятков голосов.

Дилион открыл глаза.

— Все работает, — сказал он. — Ядро — мое. Наше. Я могу прямо сейчас взлететь. Ходить не могу — а летать пожалуйста. Куда полетим?

— Не знаю, — сказал Микаэль. — Надо людей спросить. У нас же демократия, да?

— Ну-у-у, — протянул Тристан, и мы засмеялись.

Я не знал, полностью и насовсем ли ко мне вернулось зрение, но точно знал, что сделаю, выйдя отсюда. Я дойду до медблока и попрошу мапу осмотреть мои глаза. А сам буду смотреть на его лицо — родное, любимое, знакомое до малейшей черточки.

А потом выйду из корабля и, щурясь от света Медузы в небе, добреду до дома Илонки. Постучу в дверь, она откроет. Руки у нее будут в муке, волосы растрепаны, она всегда такая, когда хлеб печет.

— Илонка, — скажу я ей, — я пришел к тебе, за тобой. Я — не тот, прошлый, твоя детская влюбленность, голос в темноте среди космоса. Я не равен ему, хотя мое тело и создано по лекалам его тела. Я не равен твоим сыновьям. Мы не равны совокупности своих генов. Или клеток. Или элементов, которые нас составляют. Пусть даже они все когда-то были единой точкой, потом разлетались в Большом взрыве, потом горели среди звезд, потом стали нами, а потом перестанут

нами быть. Мы — это мы, Илонка. Я — это я. Иди сюда.
Я ее поцелую, и будь что будет.

Андрей Кокоулин

В поисках капитана Крапина

«Знаешь, Ленка, не представляю, как люди живут без этой красоты. Им надо почаще поднимать голову. Если ты посмотришь на Большую Медведицу, где-то у звезды Бенет-наш, у самого носа Медведицы, лечу я».

Щелк.

Не знаю, почему я это слушаю. У капитана всегда такой бодрый голос, будто он капитанствует на стимуляторах. Все нипочем. Смотри, Ленка, красота и все такое. Всего записей четырнадцать, и ни разу он не сказал, что в его мире существуют такие понятия, как проблемы или трудности.

Записи я украл. Легко можно было сделать копии, но мне доставляет тихое мстительное удовольствие думать, как я избавлюсь от них в конце своего путешествия. Неплохой финальный аккорд, не правда ли? И мать освободится от них, как от наваждения. И вообще мы с ней оба станем свободны.

Сборы.

Собственно, я начинал их не раз и не два, но никогда не заканчивал. Потому что не чувствовал, что пришло время, и убирал приготовленные уже вещи обратно — по полкам, по ящикам и нишам. Сейчас мне думается, что я еще не был готов. Психологически. Но вот решил окончательно: это не будет данью памяти. Нет уж! Последний курс окончен, мне

— пятнадцать, впереди — вся жизнь. Стоит ли тащить в нее капитана, который только и может, что признаваться в любви вакууму?

Не стоит. В этом я уверен.

Собственно, билет уже заказан. Маршрут популярен, как сам капитан. Герита — Мо-ро — Пальяно — Шаддат. Последний пункт — место гибели. Плевать на могилу — низко, но посмотреть в глаза мертвецу, пусть и голографическому, и разжечь костер из его аудиозаписей, наверное, может считаться ответом ему и от меня, и от матери.

Все необходимое в путешествии разложено по порядку. Аудиозаписи. Тонкие, размером с фалангу пальца диски. Для них даже нужен специальный проигрыватель. Архаика, признаю. Поэтому проигрыватель идет вторым номером. А третьим номером идет цилиндрик гетеродина Стражелски, считается, что это подарок мне от капитана. Собственно, он послал его матери, как артефакт, как непонятную штуковину, которая вместо усиления сигнала на ретрансляторе искажала его до неузнаваемости и вместе с тем была исправна.

Всего он переслал три подарка. Такой вот щедрый он, наш капитан. Просто сама щедрость. Вибрирующие бусы. Платье из коутум-саро. И гетеродин. Не трудно догадаться, что и бусы, и платье — вещи исключительно женские. Значит, для меня капитан нашел возможность подарить лишь гетеродин. То есть казус в среде гетеродинов. Самый бесполезный предмет. Неплохо для капитана, да? Этакий намек в мою сто-

рону, мол, самому бесполезному существу — соответствующий аксессуар.

Ладно.

Четвертым номером у меня идет куртка капитана. Вытертая летная куртка. С еле живыми теплоэлементами и сдохшим сигнальным маячком. Серая. Со споротой нашивкой космобазы. Так уж вышло, что многое из того, что я собираюсь взять с собой, получается, досталось мне в наследство. Но это не страшно. Куртку я сожгу вместе с аудиозаписями.

Хотя — жалко. Она приятно поскрипывает в пальцах. Плечи — с усилителями. В плотном, наддутом воротнике — система «Аспас-ПН», позволяющая до получаса находиться в безвоздушном пространстве, если вдруг какая авария. В одном из внутренних флип-карманов я нашел ломаную пластинку-пропуск, но что за двери или контейнер она открывала, выяснить уже не представляется возможным.

Какое-то время, впрочем, я позволяю себе помечтать, как захожу на территорию дальних, заброшенных складов, что за старым, поросшим сурепкой причальным полем, и там, убегая от робота-логистика, который принимает меня за объект, подлежащий складскому учету и определению, случайно нахожу активную ячейку.

Карточка к ней как раз подходит.

Через узкий створ я успеваю нырнуть в темное нутро ячейки прежде, чем робот-логистик достает меня своей клешней-манипулятором. Мазила! Старая, сумасшедшая

платформа! Тренируйся на техниках!

Потом, конечно, я поворачиваюсь. А в ячейке — целая сокровищница. Капитаны в обязательном порядке собирают сокровища, это еще с дремучей древности повелось. Словом, к моим услугам — силовая броня Ягай-Хо, анизотропное ружье, сундук с монетами из мицериновой руды и...

Глупо. Увлекся. Я рассовываю какую-то несущественную мелочь по выемкам пенала, сворачиваю куртку, укладываю в походный баг. Вот и все. Ах да. Кое-что забыл. Последним номером идет индрик — индивидуальный репер. Но с ним все просто — сунул в разъем за ухом и забыл.

Сборы окончены.

«Привет, Ленка! Хорошо на погрузке — сидишь, попиваешь себе кофе, пока роботы наполняют трюм. Лечу на Гериту. Что ж делать, если я — единственный трекер в этом секторе? Не взять ли мне звание адмирала? А то капитан Крапин — не солидно».

Щелк.

Не солидно. Смешно. Даже на том инстате, что есть у меня, видно, какого капитан невысокого роста. Я уже, наверное, выше его на голову. Но, конечно, ему бы в адмиралы! Нежишься, кофе попиваешь.

После Волны мы потихоньку приходим в себя. На космодроме — полно народу. В основном, конечно, туристы прилетают. А как же — родина капитана Крапина. Каждому желающему дом его отреставрированный показывают, его

этаж, его комнату, его туалет. Хотите примерить себя на капитанском унитазае? Прошу!

Капитан, конечно, герой, только я его ненавижу. Потому что он — для всех, для всех и каждого в нашем секторе, но не для меня. Для меня, видите ли, гетеродин. Впрочем, пофиг.

Туристов ждут магнитные пассажирские тележки, я сам прибыл в космопорт на такой же. Развезут, разместят в расчищенных районах — почувствуйте, где жил, рос, учился и так далее. Наверное, даже в нашу курсантскую школу отвезут. Капитан ходил в другую, разрушенную, от которой и следа не осталось, но наша, конечно, взяла его имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.